

№ 85

ЦЕНА 10 СЕНТ.

ДЕЛО ТРУДА

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

МАРТ-АПРЕЛЬ 1935 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

11-й год издания

Причины убийства Кирова, его последствия и его значение

Индивидуальный террор против представителей правительства всегда есть неизбежное следствие, неизбежный результат угнетения и деспотизма — вынужденный ответ на белый правительственный террор. Террор — это последнее и крайнее средство самозащиты жертвы против единоличного или коллективного палача. Это — акт самозащиты обезоруженного от вооруженного до зубов грабителя, т. е. правительства, когда оно грабит права личности и общества в интересах государства, т. е. в интересах правящего класса или сословия, в интересах правящей клики или в интересах вождя этой клики. Следовательно, террор против всякой тирании есть акт самозащиты общества, акт защиты его свободы и естественных прав человека и гражданина, по этой причине такой террор морально оправдывается историей. Мы не проповедуем террора, никто его не проповедует, он возникает сам, стихийно, неотвратимо в порабощенном обществе, которое еще не изжило самого себя, не одряхлело, не потеряло чувства свободы и человеческого достоинства и сносит это рабство не добровольно: в таком обществе всегда найдутся Бруты, которые рано или поздно поднимут руку на Цезаря.

История оправдала Брута и поставила его на пьедестал героя и борца за свободу, за права человека и гражданина. В продолжении веков Брут был, и продолжает быть, вдохновляющим примером для всех страстных любителей свободы. Кто знает, может быть и Николаев вдохновился его примером, а если это так, то и его оправдает история и поставит в один ряд с Брутом.

Несмотря на всю скудность сведений, все-таки имеется основание думать, что Николаев руководился не личными интересами, а высокими гражданскими мотивами, которые научают человека смело смотреть в глаза смерти и жертвовать собой во имя общего блага.

Нет ничего удивительного и неожиданного в убийстве Кирова, наоборот, удивительно и неожиданно, то, что этот акт, что николаевские настроения в России так поздно созрели; удивительно это потому, что Россия уже не первый год находится в таком состоянии, из которого, без всякой пропаганды, рождаются Бруты. Надо твердо помнить и никогда не забывать один социальный закон: **там, где Цезарь, там обязательно должен быть и Брут.** В России не один Николаев — Брут их много там: их рождает большевистский цезаризм, Вторая Империя с некоронованным императором. Все мы знаем, всем известно, что большевики одно время были сами Брутами для Цезарей и лишь потом стали Цезарями для революции. Вот этот постепенный процесс перерождения большевистского Брута в большевистского Цезаря и об'ясняет то обстоятельство, что так поздно созрели николаевские настроения.

Но когда большевистский цезаризм стал мозолящим глаза фактом, от которого страдал не только пролетариат и крестьянство в целом, но начала страдать и сама партия, то явился Брут и один из членов триумвирата пал — логическое развитие в пределах всякой политической узурпации. Это естественно. Было бы противоестественным, если бы логика событий не привела к этому.

И действительно, как этому не быть, как этому не случиться, когда страна, вместо царства свободы, заведена в каторжную тюрьму, когда в стране все живое задавлено и задушено, когда страна превращена в огромное социально-политическое кладбище, где царствует жуть и мертвое молчание?

Как этому не случиться, когда свободы, за которые лилась ручьями кровь и головы рвались, как яблоки, стала при первом диктаторе, при первом большевистском Цезаре, при Ленине, предметом насмешек и издевательства, а при втором, при Сталине, „бессмысленными мечтаниями", как выразился Николай Второй?

Социально-политический цинизм первого большевистского Цезаря никем не был и, вероятно, никем не будет превзойден в истории человеческого рода.

Призывая к завоеванию всех свобод, всех прав человека и гражданина, Ленин, придя к власти, стал эти завоеванные рабочими и крестьянами права и свободы уничтожать и издеваться над ними.

Свобода и равенство — это буржуазные предрассудки, с которыми, говорил он, надо беспощадно бороться:

> **„Беспощадное разоблачение мелкобуржуазных демократических предрассудков насчет свободы и равенства, беспощадная борьба с этими предрассудками".** („Фальшивые речи о свободе", 11 ноября 1920 г., т. 17, стр. 379).
>
> **„Всякий, кто говорит о свободе и равенстве в пределах трудовой демократии есть защитник эксплоататоров".** (Там-же, стр. 380).

Разговоры и рассуждения о свободе и равенстве клеймились им **„бессмысленными рассуждениями", „болтавней и фразами"**, от которых **„нужно уметь отвлечься".** („Речь на 2-м Всерос. с'езде политотделов", 17 окт. 1921 г., т. 18, ч. I, стр. 375).

Свобода печати и критики стали **„бессмысленными речами"**, („Заключ. слово", 9-го марта 1921 г., т. 18, ч. I, стр. 128-129), а посему **„за публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать"** . . . („Доклад о деятельности Ц. К. Р. К. П.", 27 марта 1921 г., т. 18, ч. 2, стр. 35-37).

Демократия стала **„сантиментальностью"** и **„болтавней": „все сантиментальности, всякая болтавня о демократии должны быть выкинуты вон".** („Речь на совещание по работе в деревне", 13 июня 1920 г., т. 17, стр. 226).

Точно таким же образом Ленин разделывался и со всеми остальными правами и свободами, завоеванными в революции рабочими и крестьянами: со свободой собраний и союзов, со свободой личности и совести, со свободой партий и национальностей, со свободой мысли и науки, со свободой литературного творчества и исследований, со свободой агитации и пропаганды, со свободой манифестаций и демонстраций, со свободой стачек, со свободой воспитания и образования, со всякой независимостью от государства.

Спрашивается, чтоже все это такое как не реакция, как не реакционный бред обскуранта, деспота? Разве это не есть содержание тираннии и деспотического зажима? Разве это не сверхциничная подмена социализма самым грубым, примитивным, варварским деспотизмом? Этому учил Ленин партию, он обучал ее как держать трудовые массы в ежовых рукавицах, как их душить. И партия душила народ и обучала этому почетному искусству, почетное искусство всех реакционеров всех времен и народов, молодежь, в том числе и Николаева, который прошел все стадии большевистской учебы. А потом, что также логично и неизбежно, как чередование дня и ночи, партийная клика стала душить и саму партию. Сталин оказался талантливейшим учеником Лайолы нашего столетия — Ленина. Ленин — это первая стадия большевистского цезаризма, когда деспотизм обосновывался и внушался, Сталин — вторая стадия, когда цезаризм насаждался в стране и в партии.

Старая большевистская гвардия, деятели Октябрьской революции, сподвижники Ленина, строители диктатуры, идеологи большевизма, мирясь с деспотизмом для народа, не пожелали примириться с деспотизмом в партии. Они хотели демократии в партии, не понимая простой истины, что демократия в партии может быть только отражением демократии в стране, что свобода в партии может быть только тогда, когда в самой стране царствует свобода. И все эти Троцкие, Зиновьевы, Каменевы, Бухарины, Радеки, Раковские, Шляпниковы, Томские, Рыковы, Скрыпники, Иоффе и пр., имена их ты, Сталин, веси, подверглись ужаснейшим издевательствам, бесстыднейшим унижениям, с которыми нельзя даже сравнить унижения Уриэля Акосты. В результате, российский термидор, осуществлявшийся частями, формально закончен — одни из ленинских гвар-

дейцев вынуждены были покончить самоубийством, другие изгнаны из страны и преданы анафеме, третьи, унижаясь и ползая на брюхе, все-таки пошли в тюрьму и ссылку, четвертые продолжают извиваться, как ужи, и лижут каблуки диктатора. А сколько Блюмкиных расстреляно! Даже „страж революции“ — Г. П. У., сдан в „музей старых большевиков“, и замещен новым Третьим Отделением! Даже Г. П. У. в глазах Второго Цезаря оказалось политически неблагонадежным! И „коллективная“ диктатура, подчиняясь внутренней логике собственного развития, с неизбежностью естественного закона стала личной диктатурой, диктатурой вождя, Цезаря. Цезаризм стал фактом. Сталин стал божественным Августом, кандидатом на место второго всероссийского святого.

При дворе августейшего Иосифа пышным цветом распустились татарско-византийские нравы — лесть, согнутые спины, рабская покорность на лице и жгущая ненавист и завист в душе. Страх смиряет строптивых. Неуверенность, зависимость от исправного пищеварения желудка божественного, ленинoподобного, „нашего родного, великого Сталина“ развивают „при дворе“ и во всей стране все „лучшие“ качества подданных восточных деспотий: низкопоклонство, пресмыкательство, подхалимство, прислужничество, лицемерие, лесть, наушничество, доносительство, шпионство. Как раз все те драгоценные качества, которые так необходимы для строительства социализма! . .

„Служить бы рад, говорил Грибоедов, да прислуживаться тошно“ . . . И Николаев не мог больше прислуживаться, но вместо того, чтобы бежать, как это сделал Чацкий, он решил пожертвовать собой, выстрелом разбудить спящих. Киров пал, символизируя своим падением грядущее падение режима.

Выстрел грянул неожиданно и с неожиданной стороны, в момент наивысших успехов режима во внутренних и внешних делах, когда голова кружилась от этих успехов, когда режим казался крепче монолитного гранита, когда остатки внутренней оппозиции на последнем с'езде заклеймили себя, как это сделал после убийства Кирова Евдокимов, „контр-революционной сволочью“ и с приятной миной благодарили с'езд партии, т. е. Сталина, за все плевки в физиономию. Поэтому становится понятным акт Николаева и смертельный испуг и бешенство божественного Цезаря, перешедшее в озверение; становится понятным почему в один миг было снято 117 большевистских голов, а среди этих голов были и головы иностранных коммунистов, искавших политического убежища в „отечестве международного пролетариата“.

Каковы же последствия убийства Кирова и Сталинских расправ за него? Каково значение этих событий для России, для международного революционного рабочего движения, для дела пропаганды и реализации идей подлинного социализма, социализма, основанного на свободе? Убийство Кирова и последовавшие за ним расправы, на манер азиатских деспотов, прежде всего отразились на международном положении СССР. Буржуазии различных стран и их правительства, уверовавшие было в крепость, силу и мощь сталинского режима, стали снова сомневаться в его устойчивости, особенно в случае войны. Акции сталинского режима сильно понизились. Соединенные Штаты, например, рассматривавшие СССР как возможного союзника в войне за капиталистические интересы на Дальнем Востоке, в войне с Японией, резко изменили свое отношение и из дружеских эти отношения стали почти враждебными. Конечно, здесь дело не в платеже долгов. Франция начала было охладевать и дело возобновления русско-французского альянса чуть было совсем не растроилось. Выручил Гитлер, который торжественно порвал Версальский договор и об'явил об установлении в Германии всеобщей воинской повинности. Это возвратило СССР „симпатии“ Франции, т. е. французской буржуазии. Но какой ценой оплачиваются эти „симпатии“ французской буржуазии! В течении долгих лет большевики кричали о грабительском характере Версальского договора, а теперь должны защищать его с таким же рвением, с которым раньше нападали на него!

В области международного рабочего движения убийство Кирова и расправы за него имеют еще большие последствия, еще большее значение. Прежде всего, коммунисты, в полном смысле слова, были оглушены выстрелом Николаева, растрелом 117-ти и расправами с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и др. коммунистами, „вождями международного пролетариата“, задававшими тон международной коммунистической политике. Вынужденная защита сталинского „действа“, которого не принимает даже их маленький ум и узенькое сердце, столкнулась с волной возмущения и протестов революционных и социалистических масс международного пролетариата, столкнулась с мировой совестью человечества. Все это вырвало у них почву из под ног и привело к столкновению дисциплины с теми ничтожными остатками их морального чувства и добропорядочности, которые еще остались у них невыхолащенными Москвой. Эта коллизия ведет к быстрому разложению или к отходу от большевизма тех, которые не могут оставаться большевиками не чувствуя

больше его „внутренней правды“, которые не могут оставаться простыми наймитами, простыми солдатами-автоматами. В результате усиление темпа разложения и вырождения государственного коммунизма, что нельзя не приветствовать с точки зрения интересов свободы и экономического равенства.

Выстрел Николаева приобрел значение не простого выстрела, а символического выстрела в систему, в режим. Значение его умножается тем фактом, что он произведен коммунистом, воспитанником этого режима, человеком, не знавшим капитализма. Это очень знаменательно. Это показывает, что диктатура приходит к логическому завершению — к самоистреблению. Этот процесс происходил слишком медленно, теперь он пойдет быстро.

Выстрел Николаева сделал слепых зрячими, особенно в международном рабочем движении, вследствии чего он оказал необычайную услугу этому движению, делу подлинного, свободного коммунизма: он оттолкнул рабочих от диктатуры, вскрыл отталкивающее антисоциальное содержание диктатуры, уничтожил иллюзию государственного коммунизма, что свободу можно добыть несвободой; он обнаружил всю силу разлагающего действия большевизма, его материальное и моральное банкротство; он обнаружил силу влияния большевизма в деле понижения морального уровня интернационального государственного социализма, интернационального социал-демократического рабочего движения, которые так свыклись с террористической практикой, что в своих протестах они **подняли голос не против расстрелов вообще, не против смертной казни вообще, а только против БЕССУДНЫХ расстрелов, только против БЕССУДНЫХ казней!** Какое падение!

До каких еще моральных глубин может пасть государственный социализм? Неужели его падению нет границ?

Все это делает выстрел Николаева актом интернационального значения.

Убийство Кирова и последовавшие за ним расстрелы имеют еще то значение, что они вскрыли внутреннюю пустоту современного большевизма, обнаружили полную выветренность социалистического содержания большевизма, показали, что социализм и коммунизм давно уже перестали быть содержанием большевизма, не только русского, а и международного, что его содержание теперь — злейшая политическая реакция, пускающая в оборот социалистические фразы в целях эксплоатации социалитсических чувств международного пролетариата в интересах нового московского правящего класса—бюрократии.

Теперь, в этом можно не сомневаться, после отрезвляющего выстрела Николаева, расчистившего атмосферу, все припадки террористического бешенства большевистских Цезарей, независимо от прежнего социального положения жертвы этого бешенства, будут рассматриваться международным пролетариатом так, как давно нужно было это рассматривать, т. е., как месть сильного, как ненужная жестокость, как садизм, ибо действительный, подлинный социализм не мстителен и он, как говорил М. А. Бакунин, „ведет беспощадную войну против „социальных положений“, не против людей“.

Теперь после выстрела Николаева, обнажившего „диктатуру пролетариата“, за которой скрывалась диктатура бюрократии, уже трудно защищать перед трудящимися их рабство, как необходимое предварительное условие их свободы; защищать привилегии, как необходимое предварительное условие установления равенства; защищать сильнейшее государство, как единственное орудие уничтожения этого же самого государства!

Теперь трудно будет убедить рабочие массы, что именно, интересы строительства социализма, а не интересы бюрократического класса, требуют уничтожения свободы слова, печати, союзов, собраний и т. д. и т. п.

Вот каковы последствия и каково значение убийства Кирова коммунистом Николаевым. Его значение выходит за национальные пределы и становится интернациональным. В самой России этот акт привел к разговорам о демократизации советской системы. Разговоры, конечно, останутся пустыми. **Деспотизм демократизуется только революцией.** И мы должны эту революцию подготовлять.

Тяжелый жизненный опыт, приобретенный ценою крови и страданий, с ошеломляющей ясностью и наглядностью подтверждает ныне глубочайшую мысль Бакунина:

„Свобода без социализма — привилегия и несправедливость“. Это — то, что мы имеем в странах капитализма.

„Социализм без свободы — это рабство и скотство“. Это — то, что мы имеем во Второй Российской Империи, где, как нас хотят уверить, „построен фундамент социалистического общества“.

Социализм на рабстве и бесправии не строится, поэтому рабоче-крестьянскому люду и всему человечеству нужна свобода с социализмом и социализм со свободой, т. е. свобода, основанная на экономическом равенстве, и социализм, построенный на свободе всех.

„Без свободы нет равенства, без равенства нет нравственности“ — это величайшая правда, поэтому, задачей жизни,

целью всей деятельности не только трудящихся, угнетенных и эксплоатируемых, но и всех людей, честных людей, должно быть нравственное человеческое общество, общество, основанное на свободе и равенстве, т. е. общество свободного, анархического коммунизма.

Вот — цель, во имя которой почетно жить, бороться и умереть!

Г. Максимов.

К семидесятилетию Макса Неттлау

В апреле месяце отпразднует свое семидесятилетие человек, которому свободнический социализм всего мира обязан вечной благодарностью — это Макс Неттлау, историк международного анархизма и один из самых выдающихся писателей-историков социалистического движения вообще. Мне трудно дать правильную оценку значения Неттлау, ибо германские события лишили меня всех моих заметок, писем и других документов, поэтому я вынужден лишь вкратце сказать то, что сохранилось в моей памяти.

Макс Неттлау родился ... апреля 1865 г. в Вене от немецких родителей. О его юности и о причинах, приведших его в социалистическое движение, я мало знаю. Мне известно только то, что он, еще будучи молодым студентом филологии, уже был увлечен движением, которое тогда в Австрии, особенно в Вене, приняло очень сильные размеры. Это было время, когда радикальная партия в промышленных областях Богемии и во всех остальных больших городах страны одержала полную победу и отодвинула на задний план умеренных социалистов.

После исключения из немецкой социалистической партии Вильгельма Гассельмана и Иоганна Моста на конгрессе в Видене в 1880 г., огромное большинство социалистического рабочего движения Австрии пошло за Мостом, газета которого, „Фрайгайт“, нелегально провозилась через австрийскую границу и в большом количестве распространялась в Австрии. Радикальная партия располагала рядом способных и мужественных пропагандистов и создала из венского „Цукунфта“ превосходный центральный орган. Неслыханные преследования со стороны правительства, посадившего в тюрьму сотни радикалов, варварское преследование за тайное распространение „Фрайгайта“, привели только к усилению сопротивления со стороны движения, которое еще больше пошло влево.

Знаменитый Мершталлингер процесс, сколоченный правительством в целях нанесения смертельного удара движению, окончился полным провалом для государственной юстиции. Жозеф Пейкарт, тогдашний редактор „Цукунфта“, очень успешно защищал движение перед судом и правительственные мероприятия привели только к тому, что престиж радикалов укрепился и их ряды пополнялись не только из рабочих, но из молодой интеллигенции. В эти годы движение приобрело и Неттлау, который своими историческими исследованиями оказал ему неоценимую услугу. Иоганн Мост нашел в Неттлау превосходного сотрудника для своей газеты, в которой Неттлау, конечно, мог сотрудничать только под псевдонимом. Первая его работа в „Фрайгайт“: „Жозеф Дежак — предшественник коммунистического анархизма“, появилась в 1890 году. С этого времени Неттлау писал для газеты ценные статьи, в которых читатель знакомился главным образом с ходом исторического развития движения. Особого упоминания заслуживает работа: „К истории анархизма“ (1890 г.), которая вскоре была издана отдельной брошюрой под названием: „Историческое развитие анархизма“. Первые опыты биографии Бакунина также появилась в „Фрайгайте“ („К биографии Бакунина“, 1891 г.). Из остальных работ Неттлау следует отметить работу „Размышления о немецкой социалдемократии“, в которой он ясно предвидел все позднейшее развитие партии.

Вся анархическая литература на немецком языке ограничивалась в то время несколькими брошюрами Кропоткина, Бакунинским „Бог и Государство“, боевыми писаниями Моста и некоторых других. Больших работ по анархизму не было, а о произведениях старой литературы, вроде „Единственный“ Штирнера, произведения Мозеса Гесса, Карла Грюна, Вильгельма Марра и в особенности многие переводы Прудона 50-х и 60-х годов, мы, молодежь, тогда не имели представления. Поэтому работа Неттлау для многих из нас была своего рода откровением. Теперь сам Неттлау отзывается об этой работе очень плохо, в разговоре со мной он порицал ее как „ненужную посредственность“, он даже укорял Моста за напечатание такой работы. Эта работа несовершенна, конечно, в понимании самого Неттлау, но для других, для многих из нас, она, в действительности, была руководящей нитью, она дала нам первый толчек к изучению исторического развития движения и его идей. В этом смысле она оказала большее влияние, чем сам Неттлау мог думать.

В продолжении долгих лет Неттлау был занят подготовкой и разработкой мону-

ментальной биографии Бакунина; это большой труд его жизни, который для него все еще не закончен. Лишь немногие имеют представление какой огромный материал в ней собран и обработан. Здесь видно с какой внутренней любовью человек занимался поставленной перед собой задачей и как он с трудолюбием пчелы собирал все факты, имевшие отношение к деятельности Бакунина и к ситуации того времени. Едва-ли имелось хоть одно лицо из огромного окружения Бакунина, которое Неттлау не розыскал бы и не распросил бы. С этой целью он предпринимал поездки, собирал старую переписку и множество неопубликованных рукописей, которые, таким образом, были спасены его предусмотрительностью. Так он построил фундамент, на котором впервые стало возможным жизнеописание этой могущественной личности. Здесь открыты источники, мимо которых ныне ни один серьезный исследователь не может пройти без внимании, и, в самом деле, все, что с тех пор писалось о Бакунине, о его круге и по истории Первого Интернационала более или менее опирается на материалы, впервые собранные Неттлау, которые он с таким мастерством просеял, упорядочил и использовал. Жаль только, что до сих пор не представился случай опубликовать эту чрезвычайно необходимую работу. Только 50 экземпляров этого труда, много лет тому назад, были сгектографированы самим Неттлау и розданы им особо известным в движении товарищам и посланы в самые крупные библиотеки мира: в Лондон, Париж, Берлин, Вену, Нью Иорк и т. д. Благодаря усилиям издателя „Ля Протесты“, Буэнос-Айрес, и главным образом благодаря усилиям тов. А. де Сантильяна, несколько лет тому назад была предпринята попытка подготовить издание этой монументальной работы на испанском языке, но эта работа должна была быть прервана из-за политического переворота в Аргентине и подавления там нашего движения. Что-то трагическое имеется в том, что человек, из труда которого так много черпается другими, не может пережить радости видеть свою работу изданной. Еще печальней то, что движение до сих пор еще не в состоянии оказать нужного содействия в этом отношении. Среди нас, конечно, немного таких, которые обладали бы достаточным историческим чутьем, чтобы правильно оценить гигантскую работу Макса Неттлау.

Моей мечтой было, чтобы наше берлинское издательство, опубликовавшее целый ряд выдающихся работ Неттлау, могло, раньше или позже, издать большую биографию Бакунина; к сожалению, разрушительная победа современного варварства в Германии и полный разгром нашего издательства, сделали невозможными какие бы то ни было планы на будущее.

Побуждаемый Элизе Реклю, Неттлау составил в 1896 г. „Библиографию Анархии“, которая вышла в свет в 1897 г. в Брюсселе. Эта работа, содержащая около 300 страниц, указывает все, поскольку это вообще было возможно, до того времени вышедшие анархические издания — книги, брошюры, газеты и пр. Материал систематизирован по языкам и странам. Во всем движении нет другого такого человека, кроме Макса Неттлау, который мог бы взять на себя такую работу. Талько он, благодаря изумительному знанию языков и обширным историческим познаниям, мог выполнить надлежащим образом такой труд. Элизе Реклю, написавший к этой работе предисловие, заметил, что он сам не знал, что мы так богаты и что он приведен в изумление полнотой собранного материала, хотя сам автор не пред'являет никакой претензии на полноту. Для тех, кто серьезно занимается историей и идеями свободнического движения, эта работа является действительным источником и многие из нас, благодаря ей, были в состоянии глубже заняться этими исследованиями.

Когда после мировой войны анархо-синдикалистское движение в Германии стало быстро развиваться, мы создали книгоиздательство, которое за год издало целый ряд выдающихся работ и ряд брошюр. Я обратился тогда к Неттлау с просьбой написать для издательства краткую историю анархического движения. Он с радостью пошел на это, но под прилежной рукой исследователя получилась большая высокого достоинства работа, которая обогатила ту область интернациональной анархической литературы, в которой она была наиболее бедной, а именно, в изображении своей собственной истории. Книгоиздательство „Синдикалист“ издало пять этих трудов и тем самым оказало огромную услугу всему движению. В „Предшественниках Анархии“ Неттлау имеет дело с развитием свободнических идейных направлений с древнейших времен до появления Прудона. В книге „Анархизм от Прудона до Кропоткина“ приводится богатый материал о свободническом движении и о круге идей времени Прудона в различных странах, подробно рассказывается история Первого Интернационала, огромная деятельность Бакунина и его друзей до возникновения коммунистического анархизма, который в Петре Кропоткине нашел своего крупнейшего представителя. Том „Анархисты и социалисты-революционеры“ содержит описание хода развития движения с 1890 года.

В нем приводится много нового материала о конспиративной деятельности в отдельных странах во время реакции, наступившей после Парижской Коммуны и революционных событий в Испании и Италии. Мы знакомимся в нем с происшествиями на лондонском конгрессе 1881 г. и с развитием Иоганна Моста и немецкого движения и со многим другим. Эти три тома, будучи дополнены двумя другими томами, которые уже готовы к печати, составляют историю движения до настоящего времени. К сожелению, благодаря насильственному закрытию нашего книгоиздательства в Берлине, всем дальнейшим планам положен конец и два последние тома остались неизданными.

Среди изданных нашим издательством книг Неттлау имеется еще две монографии — „Эррико Малатеста — жизнь одного анархиста" и „Элизе Реклю", которые содержат богатое дополнение к материалам, уже собранным в первых трех книгах.

На испанском языке вышли работы: „Неопубликованные документы об Интернационале" и „Бакунин и Альянс в Испании". На итальянском языке вышла очень ценная книга: „Интернационал в Италии в 1864-1872 гг.", к которой Малатеста написал длинное предисловие. Все эти работы, взятые вместе, составляют действительную драгоценность для истории движения и свидетельствуют об обширных познаниях автора и о неутомимом труде, который им проделан за все годы.

Помимо этих больших произведений, Неттлау опубликовал целый ряд мелких статей, печатавшихся на различных языках, эти статьи являются данью для органов свободного социализма всех стран. Едва ли имеется такое анархическое издание в мире, в котором не сотрудничал бы Макс Неттлау или которое не перепечатывало бы его статей из других журналов.

Ко всему этому Неттлау ведет обширнейшую переписку с товарищами всех стран и его письма всегда внушительных размеров и часто содержат хороший юмор, которого нет в его произведениях.

Как человек, наш товарищ является прекрасной личностью с глубоким чувством к независимости и свободе действия и мысли, он не может переносить даже малейшего принуждения. Все те, которые имели счастье близко с ним соприкасаться, научились любить и ценить его. Но этот человек, всю жизнь посвятивший великому идеалу и оказавший такую неоценимую услугу делу свободы и социальной справедливости, живет более чем в скромных условиях и ведет непрестанную борьбу, особенно после войны, с жизненными невзгодами и нищетой. Я знаю, наш друг будет недоволен тем, что я говорю об этом публично, но я считаю своим долгом в данном случае указать на это.

Движение всех стран глубоко обязано этому человеку, который с неутомимой прилежностью и с редкой преданностью посвятил себя делу, являющимся нашим общим делом. Все мы глубоко обязаны ему и то, что мы сказали здесь о нем, есть ничтожное выражение той глубокой признательности и благодарности, которую мы питаем к нему. Мы желаем нашему другу всего хорошего и прежде всего желаем, чтобы его драгоценные силы еще долго-долго сохранились для дела свободы и человечества.

Рудольф Рокер.

Федерация и Редакционная Коллегия „Дела Труда" присоединяются к пожеланиям тов. Рокера и в свою очередь шлют дорогому юбиляру наилучшие пожелания и сердечный привет.

Федерация и Ред. Кол. „Дела Труда"

ЧТО СТАЛОСЬ С ТОВ. АЛЬБЕРТОМ КОРДАО?

Мы призываем все рабочие организации синдикалистов, анархистов и других всех стран поставить этот, нетерпящий отлагательства, вопрос перед всеми Советскими Консульствами и Посольствами.

Мы должны получить точный ответ!

Мы только что узнали, что наш уважаемый товарищ А. КОРДАО уже провел 10 лет в Соловках, был освобожден, а потом, 3 года тому назад, снова был арестован; последнее время он находился в одном из конц.-лагерей Сибири, где ОБ'ЯВИЛ ГОЛОДОВКУ И УЖЕ ГОЛОДАЕТ 26 ДНЕЙ. Письмо, извещавшее об этом, пробыло в пути целый месяц и мы не знаем, что сталось с тов. Кордао.

Еще раньше этого тов. Кордао вынужден был прибегнуть к голодовке и ГОЛОДАЛ В ТЕЧЕНИИ 42 ДНЕЙ, что сделало его почти инвалидом.

МЫ ТРЕБУЕМ ОТВЕТА!

Фонд помощи (при Международном Товариществе Рабочих) Анархистам и Анархо-Синдикалистам заключенным и сосланным в Советской России.

Товарищи, — не забывайте политических заключенных и ссыльных в СССР. — Их участь и положение — ужасные.

Помогайте аккуратно, ежемесячно.
Не ждите воззваний и просьб.
Помогайте!

НЕДОМЫСЛИЕ г. ТРОЦКОГО

Из сановных большевиков, находившихся в центре диктатуры, Троцкий оказался первым, почувствовавшим на себе чудовищную систему опекаемости государством своих подданных, созданную самим Троцким и его соратниками, якобы для облегчения перехода от капитализма к социализму. Пока Троцкий занимал в аппарате командные высоты — это было хорошо, а когда его сотоварищ Сталин перебрал в свои руки мощный аппарат диктатуры и прижал Троцкого, с которым не желал делить власть, то последний взвыл.

Теперь г. Троцкий говорит о диктатуре следующее:

„Дело об убийстве Кирова повлекло за собой арест Зиновьева и его группы, хотя обвинительный акт не упоминал ни об одном из арестованных в Москве зиновьевцев. Какова же была причина их ареста? Сталинские лакеи заграницей забрасывают Зиновьева грязью с тем же бесстыдством, с каким они ползали перед ним на брюхе в 1923 г. Что же можно поставить в упрек Зиновьеву, Каменеву и их друзьям? То, что они капитулировали. (Что сделал и сам Троцкий). Этим актом политической трусости они загнали революционную молодежь в тупик. **Бюрократические тиски не позволяют молодежи ни думать, ни жить, ни дышать.** В такой обстановке рождаются террористические тенденции".

Говоря о расстрелянных, Троцкий утверждает, что среди них были „молодые коммунисты, обладающие критическим умом: вся цель комбинации состояла в том, чтобы окончательно терроризовать молодежь с независимым мышлением и показать ей, что малейшее сомнение в божественной благодати Сталина и непорочном зачатии Кагановича будет отныне караться, как террористический акт".

Дальше Троцкий повествует: **„Сталинская бюрократия бешено защищает свои экономические и политические привилегии от критики рядовых рабочих. Аппарат сталинской бюрократии ГПУ обращает свое оружие... против молодых коммунистов, недовольных самодержавием Сталина. Бюрократическая верхушка, которая отождествляет себя с рабочим государством по старой формуле — „государство — это я"... — изображает террор против партии и молодежи, как террор против контр-революции"...**

„Сталинцы систематически отравляют ложью авангард мирового пролетариата. Этого требуют интересы бесконтрольной бюрократии, которая желает любой ценой поддержать свой престиж и свою власть путем террора, обращаемого против тех, кто в рядах пролетариата сохранил способность к мышлению и критике. Лакеи бюрократии, обожествляя свой режим, фактически выполняют роль реакционеров".

Троцкий сделал довольно откровенные признания и подтвердил то, что осуждалось анархистами в большевизме во время революции и осуждается ныне. Такие признания сделал бы Сталин, Каганович, Молотов, Ворошилов и все остальные большевистские сановники, если бы они не занимали командных высот в аппарате, а очутились бы на положении Троцкого или в самом низу иерархической лестницы.

Делая свои признания, Троцкий, разумеется, не помышляет об уничтожении этого чудовищного аппарата, столь удобного для управления подданными, а сожалеет, что не он владеет им. Поэтому он надеется, что „взлет подлинного большевизма в мировом масштабе может вдохнуть новую надежду в сердца советской молодежи". Напрасны чаяния г. Троцкого: большевизм изжил себя и представляется теперь худшим видом черносотенства, что признает и сам Троцкий.

В заключение Троцкий ставит своей задачей — „освободить авангард мирового пролетариата от зловредного влияния безответственной сталинской бюрократии". А ежели вместо сталинской будет троцкистская бюрократия? Чем она лучше?

Недомыслие г. Тгоцкого и вообще всех марксистов-диктатурщиков заключается в том, что они, считая себя наилучшими, желают иметь **свободу** только для себя и хотят **управлять** другими вместо того, чтобы стремиться к сотрудничеству и кооперации, как основе свободного общества.

За 17 лет диктатуры большевики показали себя полными банкротами: они все время трубили об уничтожении в **СССР** классов и насаждали новые классы, а для того, чтобы уничтожить государство, к чему большевики якобы стремятся, они возвели его на высший пьедестал; дошло до того, что государство — это Сталин, единоличный диктатор, самодержец и вершитель судеб огромной страны, России. Вот в чем недомыслие сталинских оппозиционеров и марксистов.

Чтобы быть свободным и пользоваться равными политическими и экономическими правами, надо стремиться к такой организации общества, которая обеспечила бы эти права и свободу для всякого и каждого. Такая организация называется АНАРХИЕЙ.

П. Гордин.

Значение исхода Саарского голосования для политического развития Европы

Неожиданный результат голосований по вопросу о судьбе Саарского района и последовавшие за этим голосованием события в этом районе имеют чрезвычайно важное значение для дела политического развития человечества в направлении международного мира и свободы. До плебисцита во всем мире, в особенности же во Франции, держались того взгляда, что воссоединение Саарского района с Германией будет содействовать упрочению мира в Европе. Но успех немцев в Саарской области лишь обострил немецкий национализм, и теперь уже становится заметным, что в Германии не наблюдается того чувства удовлетворенности одержанной победой, на которое рассчитывали.

Немецкий национализм динамичен; он отличается непримиримостью, напоминающую религиозный фанатизм, и зверской беспощадностью, и является угрозой для международного мира. Подобно религиозному фанатизму прошлих столетий, в наш 20-ый век национализм — в особенности когда он сопровождается империалистическими и экономическими вожделениями, побуждающими добиваться расширения пределов государства, как это наблюдается в Германии — такой национализм является постоянным источником международных осложнений и военных столкновений. Немецкие национал-социалистические властители не были бы теми мастерами по части пропаганды, каковыми они себя зарекомендовали, если бы они не использовали для укрепления своих внешних и внутренних политических позиций того успеха, который выпал на их долю в Саарском ройоне.

Своей 90-процентной победой Германия обязана не только своей собственной усиленной пропаганде, развернутой ею в Саарской области, но также и тому обстоятельству, что ей втихомолку, не признаваясь в том открыто, помогала Франция. Общественное мнение этой страны, французское правительство и в особенности левое крыло французской буржуазии желали быстрой и окончательной ликвидации Саарского вопроса. Как страна, насыщенная политически и экономически, Франция не желала ни обладания Саарским районом, ни сохранения "Status quo", т. е. сохранения существовавшего там до плебисцита положения вещей. Французский национализм утратил свою энергию после всемирной войны, и французы совсем не старались использовать те выгодные условия, которые создались для них в Саарской области после заключения Версальского мира. Хотя присоединение этой области к Франции или Германии должно было быть решено посредством всенародного голосования, Франция не делала особых усилий, чтобы посредством пропаганды обезпечить за собой все шансы на успешный для нее исход плебисцита. Если третья германская империя видела в исходе этого плебисцита вопрос своего престижа, то третья французская республика с своей стороны умышленно уклонилась от борьбы за обладание Саарским районом. Со стороны Германии были применены все средства, чтобы повлиять на настроение населения Саарского района: и речи, и пресса, и безпроволочный телеграф, и терроризирование населения; Франция же не занималась вообще никакой пропагандой. Из Германии деньги притекали в Саарский район целыми потоками; Франция же застегнула свои карманы. Если бы Франция повела борьбу за обладание Саарским районом с той же энергией, с которой вела ее Германия, то результаты голосования оказались бы гораздо более благоприятными для нее и для сохранения в этом районе существовавшего там до плебисцита положения вещей.

II

Выражение "Status quo" оказалось очень неудачным обозначением существовавшего в Саарской области до плебисцита положения вещей. Ни саарские крестьяне, ни саарские горнорабочие не понимали, что собственно означается этим термином. На немецком фронте могли очень удачно

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ „ОТЧЕ НАШ“.

Отче наш, Ленин, иже еси в Москве,
Да славится имя твое,
Да приидет диктатура твоя,
Да будет воля твоя на всей земле, яко в СеСеСеРи.
Хлеб наш насущный с маслицем даждь нам днесь
И оставь нам долги наши,
Яко мы не оставляем должникам нашим,
И не введи нас в „уклон“,
Но избави нас от революции и свободы.
Да пребудет диктатура твоя, сила твоя и слава твоя
Во веки веков.
Аминь.

Битрис.

переделать этот термин на "Status Quatsch" (Quatsch по-немецки значит „чепуха"). В Женеве не занялись разработкой ясной формулировки того, каково собственно должно быть новое положение вещей на Сааре. Там не было также принято какого-нибудь вполне ясного решения относительно необходимости второго голосования по Саарскому вопросу. Если издающаяся в „Саарбрюкене газета „Арбайтер Цайтунг" обещала уплатиаь 1000 марок тому, кому удалось бы доказать, что не будет второго голосования, то с другой стороны национал-социалистическая пресса предлагала 2000 марок тому, кто докажет, что второе голосование должно быть произведено. И обе стороны были правы; принятые в Женеве решения были очень растяжимы и двусмысленны, несмотря на раз'яснения, данные Лавалем, Бенешом и Литвиновым.

Партиям. отстаивавшим Status quo, было очень трудно требовать, чтобы к их принципиальной постановке саарского вопроса отнеслись с уважением. В течении более чем тринадцати лет социал-демократы и коммунисты были фанатическими сторонниками воссоединение Саарской области с Германией. В продолжении всех этих лет они нападали на рабочих, бывших сторонниками сохранения Status quo и принадлежавших к другим политическим партиям, как на сепаратистов, прислужников Франции и изменников своему отечеству. В мае 1933 года в Саарбрюкене сорганизовалась саарландская социал-демократическая партия; на своем организационном собрании она включила в свою программу сохранение Status quo. Социал-демократическая и коммунистическая партии однако все еще оставались противниками сохранения Status quo даже после того, как наци (сторонники Гитлера) убили сотни и подвергли пытке десятки тысяч членов социал-демократической и коммунистической партий, разрушили организации этих партий и ограбили их, завладев их имуществом. Сторонников новой саарландской социал-демократической партии все еще продолжали называть сепаратистами и изменниками, отказавшимися от социалистической и пролетарской идеологии; особенно яро нападали на них официальные представители коммунистической партии. На состоявшемся летом 1933 года в Париже международном анти-фашистском с'езде коммунистические делегаты из Саарской области, соглашаяс с точкой зрения исполнительного комитета германской коммунистической партии и Коминтерна. все еще высказывались за воссоединение Саарского района с Германией — с Гитлеровской Германией.

В течение 12 месяцев после этого с'езда германские и саарландские коммунисты дважды меняли свою точку зрения. Саарландские коммунисты не хотели более слушаться данного им пароля: „назад в Германию Гитлера!" Это побудило московские центральные истанции изменить свою тактику. Чтобы оказаться в глазах рабочих настоящими революционерами, правящие коммунистические круги провозгласили другой пароль: „воздерживайтесь от участия в плебисците и подготовляйте торжество революционного советского режима в Саарланде!" Троцкий иронически указал своим бывшим партийным товарищам на то, что срок учреждения в Саарланде советского режима еще никем не был установлен, день же плебисцита назначен на 13 января 1935 года. Как же надлежит поступать саарландским рабочим в этот день? На этот вопрос со стороны Москвы не последовало сначала никакого ответа. Но весной 1934 года коммунисты в третий раз изменили свою тактику. Теперь они предложили саарским рабочим голосовать за Status quo. Надо ли удивляться тому, что, ввиду таких частых изменений сообщаемых им лидерами коммунистов паролей, многие коммунисты в последний момент, подходя к избирательным урнам, решили послушаться первого партийного пароля — „назад в Германию Гитлера" и голосовали за воссоединение с Германией? Разве не дала колеблющаяся тактика вождей коммунистической партии примера неуверенности, повлиявшего на поведение саарских коммунистов и облегчившего им сделанный ими ложный шаг?

Социал-демократическая партия Саарской области в 1933 году также увидела себя вынужденной отказаться от той точки зрения, которую она защищала в течение 14 лет, и призывать к сохранению Status quo. Всякая иная точка зрения казалась невозможной для рабочего класса. Однако в принципе социал-демократия считала попрежнему, что Саарская область — область немецкая и должна оставаться таковой, т. е. должна быть возвращена германской империи. Сохранение Status quo, против которого социал-демократы так яростно боролись 14 лет, теперь должно было послужить им оружием в борьбе их против Гитлера. После же падения Гитлера Саарская область должна быть воссоединена с Германией.

Понятие отечества является, как для германских социал-демократов, так и для германских коммунистов догматом, который не должен подвергаться сомнению; для обоих этих партий сохраняет свою силу миф национализма. Этот миф пустил среди них почти столь же крепкие корни,

как и среди самих национал-социалистов. Приверженность же идее интернационала лишь очень поверхностна. „Вернемся к Германии и давайте вместе с нашими угнетенными братьями, принадлежащими к германскому рабочему классу, бороться за освобождение от национал-социалистического режима“. Таков был пароль, припоминавшейся саарским рабочим, когда они подходили к избирательным урнам, и они голосовали за присоединение к гитлеровской Германии. Они преклонялись, таким образом, перед гитлеровским террором и в то же время успокаивали свою социалистическую совесть. Таким-то образом флаг с крестом, „свастика“ — эмблема национал-социалистов — оказался победителем над красным знаменем международного социализма.

III

Среди католиков, составляющих наибольшую часть населения Саарской области, утрата правильной ориентации оказалась, пожалуй, еще более полной. Так как папа надеялся, что Гитлером будут сделаны известные уступки католикам, живущим в пределах Германии, он не счел уместным оказывать поддержку своим приверженцам, проживающим в Саарской области и оставил их на произвол судьбы. Когда партия центра (т. е. партия католическая) была распущена, католики оказались вынужденными примкнуть к сторонникам немецкого национализма. Лишь за несколько месяцев до голосования католики, остававшиеся сторонниками сохранения Status quo, сформировали новую католическую партию Саарской области. В своей газете „Новая Саарская Почта“ эта партия пыталась, ссылаясь на происходившую в Германии борьбу между Гитлером и частью духовенства, привлечь в свои ряды саарских католиков.

Но усилия этой партии оказались напрасными, так как епископы, которым члены этой партии обязаны были повиноваться, как католики, призывали свою паству к тому, чтобы она доказала свою любовь к отечеству. И в рядах членов этой католической партии голос религиозной совести также был заглушен могуществом идеи отечества, „голосом крови“. Фикция „отечества оказалась среди коммунистов и социал-демократов сильнее идеи международного социализма, а среди католиков — сильнее их религиозной веры.

Такое крайне странное осуществление единого фронта католиками и коммунистами, разумеется, не могло особенно содействовать укреплению идеи сохранения Status quo. Если многим коммунистам казалось непонятным, каким образом они могли идти рука об руку с католиками ради достижения какой-то временной цели, то тем более для католиков пребывание в одном и том же фронте с коммунистами являлось неудобоносимым бременем. Сторонники воссоединения с Германией насмешливо указывали католикам на преследование коммунистами религии в Советской России, а коммунисты с своей стороны и не думали отрицать свою враждебность к религии. Национал-социалистам же было легко опровергать обвинение их в том, что в Германии они преследуют христиан; им легко было доказывать, что все подобные обвинения исходят от лиц пристрастных и сильно преувеличены. Им достаточно было указывать на позицию, занятую по отношению к саарскому вопросу католиками, живущими в пределах Германии; а перед самым плебисцитом, им особенно помогло то обстоятельство, что мюнхенский кардинал Фаульхабер, бывший до того противником национал-социалистов, распорядился, чтобы в церквах, подчиненных его епископской власти приходов, молились о воссоединении Саарской области с Германской империей.

Ко всем этим затруднениям, с которыми было связана пропаганда сохранения Status quo, присоединилось еще то, что не было ясно какова будет судьба каменноугольных копей и рудников Саарской области; создавал затруднения также и явный недостаток в денежных средствах, необходимых для ведения пропаганды.

С точки зрения чисто материальной выгоды, сохранение Status quo было более полезно для населения Саарской области, чем воссоединение с Германией. Но было невозможно раз'яснить эту сторону вопроса сторонникам единого немецкого фронта. Их фанатическое настроение делало их совершенно непроницаемыми для каких бы то ни было попыток представить им доводы в пользу выгодности сохранения Status quo. Если же, несмотря на все затруднения, в немногих исключительных случаях и удавалось выяснить сторонникам единого немецкого фронта этот пункт, то они вполне сознательно закрывали, так сказать, глаза, отказываясь признать убедительность пред'явленных им доводов, или же отвечали так: „мы знаем, что положение наше ухудшится, если мы вернемся в лоно германской империи, но мы, несмотря на это, будем голосовать за воссоединение с Германией, ибо мы немцы и хотим оставаться таковыми“. Так смотрел на этот вопрос средний обыватель. Чувство было для него сильнее всяких логических доводов. Какой удар наносится этим одностороннему, материалистическому истолкованию истории! Пропаганда и террор достигли того, что чувство привязанности к отечеству пересилило материальные интересы, надежду добиться улуч-

шения экономического положения. И это несмотря на то, что среди населения пограничной области, состоящего из пестрой смеси национальных элементов, ссылки на принадлежность к известной народности, казалось бы, должны были оказаться особенно открытыми для разных нападок.

IV

Невозможно было сомневаться в том, что, поднятое всего каких-нибудь 20 месяцев ранее, движение в пользу сохранения Status quo должно было сильно отстать от движения в пользу воссоединения с Германией, идея которого уже 15 лет вбивалась в головы всего населения Саарского района с такой энергией, что всякое разногласие с этой идеей стали считать изменой самым священным заветам народа. И все же исход плебисцита оказался бы иным, если бы международные организаторы плебисцита не стали более или менее открыто на сторону Германии и не покровительствовали бы сторонникам единого немецкого фронта.

Еще всего за одну неделю до плебисцита 90.000 саарландцев участвовали в демонстрации в пользу сохранения Status quo. Все заставляло думать, что эти участники в демонстрации и еще многие другие лица не будут голосовать заодно с националистами. То, что это не случилось и что не только сочувствовавшие втайне сохранению Status quo, но и добрая половина участвовавших в вышеупомянутой демонстрации лиц отпали в последний момент от своих единомышленников, должно быть приписано влиянию национал-социалистов, их террору и, в значительной мере, также влиянию плебисцитной комиссии, ставшей на сторону Германии. Сторонникам единого немецкого фронта было разрешено расставить своих агентов для наблюдения за порядком голосования в день плебисцита и даже раньше. В скрытой форме сторонники воссоединения с Германией исполняли полицейские обязанности на глазах у международной комиссии. Между тем сторонникам Status quo это было запрещено. Выборщиков, приезжавших из за-границы, сторонники немецкого фронта встречали, угощали, развозили в автомобилях, снабжали деньгами. Презренных суб'ектов, которые всего лишь за несколько дней до голосования находились в лагере коммунистов и сторонников Status quo, подкупали; слабохарактерных людей заставляли изменить принятое ими решение, или абещали им всяческие блага, или запугивали их. Этим об'ясняется то, что за Status quo было подано всего 46.000 голосов, т. е. приблизительно лишь одна треть числа голосов, поданных за социал-демократов и коммунистов во время последних выборов, происходивших в Саарском районе. За что же, спрашивается, подавали голоса католики, также об'являвшие себя перед голосованием сторонниками Status quo?

V

О последствиях саарского плебисцита судят различно. Франция и Англия довольны результатами плебисцита. По мнению этих стран, благодаря разрешению саарского вопроса в европейской политике оказалось одним яблоком раздора меньше, чем прежде, и Германию будет теперь легче привлечь на сторону международной политики, ведущей к лучшему взаимному пониманию и примирению наций. Близкое будущее покажет, что надежда эта неосновательна. Никакое германское правительство не отказалось бы от своих вожделений в области внешней политики после одержания победы в саарском районе; всего меньше можно ожидать этого от национал - социалистического правительства. Для третьей германской империи победа на Сааре является этапом на пути к новым завоеваниям*).

С точки зрения внутренней политики, победа, одержанная Германией в Саарской области, означает победу Гитлера над его противниками в рядах его собственной партии, равно как и победу над враждебными его режиму элементами в Германии вообще. Неудачный исход саарского плебисцита обострил бы внутренний кризис национал-социалистического режима и ускорил бы его крушение. В случае раздела Саарской области, вина в таком исходе голосования была бы возложена консервативными и националистическими элементами не на кого-либо иного, как на Гитлера. Тогда падение его было бы неминуемым. Гитлер справился с этой угрожавшей ему опасностью и, благодаря этому, срок существования национал-социалистического режима продлен на неопределенное время. Политических заключенных, находящихся в тюрьмах и концентрационных лагерях, постигло тяжелое разочарование, ибо они возлагали большие надежды на неудачный для Гитлера исход голосования в Саарском районе и на то, что эта предполагаемая неудача приведет к быстрому крушению третьего империалистического режима.

Сторонники Status quo думали использовать саарский плебисцит, превратить его в голосование за или против Гитлера. Но большинство населения Саарского района не пожелало такой постановки вопроса.

---

*) Наш автор не ошибся, как показывают последние события: за воссоединеньем Саара последовало введение всеобщей воинской повинности в Германии, т. е. открытое нарушение Версальского договора, открытая угроза войной. *Ред.*

„Что бы ни восторжествовало — диктатура или демократия — во всяком случае Германия превыше всего — "Deutschland uber alles"! Так гласит немецкая версия лозунга: "Right or wrong' my country"!

В правильном освещении, результат голосования в Саарском районе представляется в таком виде: этот плебисцит не есть ни поражение демократии и свободы — в том своеобразном смысле этих слов, который им придается в Германии — ни торжество национал-социализма; он является победой немецкого национализма и идеи отечества. Эта последняя идея, в особенности после того как германская империя утвердилась на принципах, провозглашенных Бисмарком — сделалась для всех немцев, без различия партий и религиозных воззрений, как бы некоей святыней. Со времен Бисмарка мысль о господстве всех насильственно об'единенных в империю германских народностей над прочими народами Европы стала пользоваться среди немцев все большим и большим успехом. В идеологии национал-социалистов мысль о том, что „миссия" немцев заключается в покорении всех прочих народов и в господстве над ними, находит совершенно откровенное выражение; и с тех пор, как национал-социалисты оказались у власти, политика третьей германской империи ни на минуту не упускала из виду этой цели, т. е. господства Германии над прочими нациями.

Существование подобной империи представляет собою великую опасность для мира и свободы Европы и мира вообще. Эту опасность предчувствовал и сознавал еще Прудон. В своем сочинении „О федеративном принципе" он предостерегал против насильственного об'единения политических организмов. Он в особенности рекомендовал во что бы то ни стало препятствовать об'единению Германии в централизованную империю: „Горе миру, восклицал он, если Германия устремится к осуществлению идеи единства!" Политика расширения пределов германской империи, преследуемая национал-социалистами, является жутким подтверждением пророческих слов великого французского мыслителя. Рост могущества националистической Германии представляет собою опасность для свободы и мира в Европе. Воссоединение Саарской области отнюдь не послужит на пользу умиротворения человечества. Европа, да и весь мир, обретут мир и свободу не под насильственным режимом однообразно-организованных национальных государств, а через федерацию экономических и культурных союзов, не стесняемых в своем развитии расовыми и национальными различиями.

А. Зухи.

Итоги прошлого и перспективы будущего

Не будем пока подводить итоги октябрьским событиям 1934 г., ибо мы еще не располагаем всеми нужными фактами, ибо еще не все интриги разоблачены, не все измены нам известны, поэтому, придется пока повременить с подведением итогов и ограничиться указанием на один-два факта, вскрывающие сущность „единого фронта" и разоблачающие изменческие замыслы тех, кто теперь обвиняет испанских анархо-синдикалистов и Национальную Конфедерацию Труда в измене.

Наши товарищи из Районной Федерации Труда Астурии приняли участие в борьбе, они вошли в пресловутый „Альянца Обрера" („Рабочий Союз"), который должен был показать, что может достичь единый фронт. И вот, мы узнаем, что социалисты Астурии, застрельщики движения, отказали в выдаче оружия нашим товарищам и последние вынуждены были КУПИТЬ ОРУЖИЕ У СОЦИАЛИСТОВ И ЗАПЛАТИТЬ ИМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО. Наши товарищи имели в своем распоряжении лишь один пулемет, который они купили у социалистов. Нашим товарищам пришлось вынуть последние гроши из кармана и купить оружие у... СОЦИАЛИСТОВ!

А вот еще один замечательный факт — „Всеобщий Рабочий Союз", реформистская организация, находящийся под руководством социалистов, ОФИЦИАЛЬНО НЕ ПРИМКНУЛ К ОКТЯБРЬСКИМ СОБЫТИЯМ. Этот факт красноречиво говорит о политическом характере и целях данных событий.

А вот еще одно „происшествие" — пятого октября, в день восстания в Астурии, астурийские социалисты обсуждали вопрос о том, следует ли позволить элементам из Национальной Конфедерации Труда принять участие в движении или нет? Между тем, это необходимо подчеркнуть, **Н. К. Т. вместе с социалистами входила в „Альянца Обрера" Астурии.**

Этих фактов вполне достаточно, чтобы еще с большей силой заподозрить социалистов в том, что они замышляли покушение против Национальной Конфедерации Труда. Политиканы намеривались одним выстрелом убить двух зайцев: свергнув правительство Лерру, передать бразды правления временному правительству Компаниса и поставить Национальную Конфедерацию в такое положение, при котором реформистский Всеобщий Рабочий Союз мог бы проглатить анархо-

синдикалистскую Национальную Конфедерацию Труда.

Пока еще не разоблачены все нити заговора и измены социалистов, но их долго скрывать не удастся. Мы и сейчас знаем, как обстояло дело, и в следующий раз подведем итоги потерь и выигрыша. Сейчас же мы этим не будем заниматься, сейчас мы лучше обсудим планы на ближайшее будущее.

„Единый фронт" в октябрьские дни оказался „ехидным фронтом", созданным для нашей гибели. Этот „единый фронт" позорно провалился и как раз по вине тех, которые непрестанно о нем твердили.

Тот, кто хотел бы восстановить симпатию к новому единому фронту социалистов, коммунистов, анархистов и анархо-синдикалистов, сознательно или безсознательно рыл бы яму для Национальной Конфедерации Труда и для всего испанского революционного движения. Сейчас в Испании необходимо, вопреки всем социалистическим партиям, создать у рабочих города и деревни дух доверия к своим собственным силам в Социальной Революции. Социалисты и большевики расшатали это доверие. Они внесли сумятицу в умы, замутили воду, чтобы с успехом ловить рыбу в этой мутной воде. Только одна Н. К. Т. в силах положить предел сознательно созданной политиканами сумятице и она сумеет это сделать лишь в том случае, если она САМА решится, помимо и вопреки всем политическим партиям, ОРГАНИЗОВАТЬ Социальную Революцию.

В Испании сейчас ведется подготовка к выборной кампании в Кортесы — срок выборов приближается. Политиканы стараются во-всю, чтобы поймать в политическую западню Н. К. Т. И это вполне понятно. По словим Маура, который далеко не дружески относится к нашей испанской организации, Н. К. Т. сейчас имеет свыше полутора миллионов членов, следовательно, под влиянием Н. К. Т. находится не менее трех миллионов „избирателей". Такой силой нельзя пренебрегать. Социалисты и коммунисты знают великолепно какую большую роль такая сила может сыграть в выборах. Отсюда становится понятным почему Н. К. Т. хотят уловить в политические сети.

Необходимо чтобы наши товарищи, которых обвиняют в том, что будто бы они, благодаря своему воздержанию в последних выборах, помогли приходу к власти Лерру и Жил Роблеса, не совершили непоправимой ошибки, чтобы они не поддались этим лживым обвинениям и не помогли в выборных махинациях изменникам социализма и большевистским диктаторам московской школы. Нельзя помогать этим людям воссесть на трон, который зиждется на трупах наших товарищей!

Национальная Конфедерация Труда должна выдвинуть СВОЮ программу действия и революции, тогда на ее сторону станут не только три миллиона сознательных избирателей, которые с оружием в руках выскажутся за революцию, но к ним примкнет вся рабоче-крестьянская масса, весь испанский пролетариат, который усмотрит в действительной воле Национальной Конфедерации Труда к свободнической революции ГАРАНТИЮ того, что Испания окончательно вступила на путь созидательной и либертарной революции.

Одна газета, симпатично относящаяся к Н. К. Т., на другой день после последних выборов, сказала:

„Теперь слово за Национальной Конфедерацией Труда" ... Теперь, после социалистического провала в октябре 1934 г., мы говорим нашим испанским товарищам:

„Дело за Национальной Конфедерацией Труда".

Революционное дело, обдуманное и сознательное дело. Социалисты и коммунисты к этому делу не примкнут. Тем лучше! Тем больше уверенности, что подлинная социальная революция победит.

А. Шапиро.

Январь 1935 г.

„Дело Труда" и Интернациональная анархическая пресса.

За истекший 1934 год интернациональная анархическая пресса перепечатала из „Дела Труда" несколько заметок и статей, так, например, „Гронд Слаген", анархо-синдикалистский ежемесячник, теоретический орган голландского синдикалистского союза, в № 4 перепечатал статью Г. Максимова: „Наглядные уроки всеобщей стачки" и статью К. Филипповича (в № 4 и 5): „Почему бунтуют фермеры".

Принципиально-тактические резолюции нашей последней конференции привлекли к себе довольно широкое внимание нашей международной анархической прессы, так, например, резолюция „о едином фронте" была напечатана в целом ряде газет: в еврейской газете „Фрайе Арбайтер Штимме", в американском „Мен"!, в парижской „Конкет дю Пэн", а также в 183 номере „Бюллетеня" (немецкое издание) Международного Товарищества Рабочих (МТР), а это значит, что резолюция еще будет напечатана в анархических и синдикалистских газетах целого ряда стран.

БРОНКС, Н. И.

Уважаемые товарищи,

Посылаю вам 10 дол. в пользу анархистов, заключенных в СССР.

За латышскую группу г. Нью Иорка

С товарищеским приветом

В. Берг.

Испанские анархисты и октябрьская революция

Как будто по заранее выработанному плану социалистическая и коммунистическая пресса различных стран начала интернациональную кампанию клеветы и инсинуаций против анархистов за их отношение к октябрьскому движению 1934 года. Криками об „измене“ анархистов они хотят прикрыть свои собственные систематические изменческие поступки и снять с себя серьезную ответственность за свои анти-революционные и анти-пролетарские действия.

Если уж кто имеет право обвинять, так это мы, потому что только мы являлись мишенью как республиканской правительственной реакции, так и монархической. Без прессы, бросаемые из тюрьмы в тюрьму, мы не имели возможности раз'яснить и ответить на клеветы. Но само время работало за нас и как только первое впечатление сгладилось, то каждый понял, что предателями революции и пролетариата являются те же самые, которые были всегда.

Пока будут опубликованы официальные документы, которые выявят отношение нашей организации к октябрьским событиям, мы берем на себя смелость сказать то, что позднее будет сказано на основании доказательств и конкретных фактов.

В нашем распоряжении имеется много писем, полученных нами от наших заграничных друзей, в которых они запрашивают о подробностях октябрьских событий.

Отвечая тов. Виллегас из Сант-Яго, Чили, мы тем самым отвечаем тысячам, которые хотят знать правду.

Реакционная работа „Левых“ Республиканцев.

В тех странах, где политические „левые“ никогда не были у власти или когда они были, но не успели еще проделать разрушительной реакционной работы, как это было в Испании, будет тяжело понять причины полного расхождения между ими и революционным пролетариатом. Даже военная диктатура Примо де Риверы не осмеливалась так цинично и вызывающе бороться со свободническими силами, которые укоренились в Испании в течении ряда поколений. Социалисты и левые республиканцы, не нападавшие на капиталистические привилегии в течении их двухлетнего пребывания у власти, превратили апрельскую республику 1931 года в плодородное фашистское поле.

В области экономической они необычайно увеличили число безработных, парализовали промышленную и коммерческую жизнь и оказались неспособными найти новые источники для работы и производства. Они во всех отношениях увеличили хаос, унаследованной от монархии.

В области политической они увеличили бюджет более чем на биллион пезет, создали новые карательные силы и соответственно увеличили налоги. Они показали себя такими жадными до теплых политических местечек, что должны были выработать новые инструкции о назначении на места и совместительство стало для республиканцев и социалистов в буквальном смысле „идеалом“.

Народ скоро понял, что он не только ничего не выиграл от перемены монархической короны на республиканскую шапку, но даже потерял. Этому „левому“ правительству мы обязаны незабываемым памятником реакции, который называется „Закон об общественном порядке“; в испанском народе все еще свежа память о первых ссылках революционных рабочих в Бату, о зверских избиениях в Казас Виехас и о приказах: „ни арестованных, ни раненых“ и „стрелять в брюхо“.

В течении более полувековой монархической реакции, начиная с Сагасты, было невозможно уничтожить движение, которое в 1910 году выкристаллизовалось в Национальную Конфедерацию Труда. Социалисты и политические „левые“, повидимому, пришли к власти только с одной положительной программой — борьбы с революционными общественными силами, и они ни перед чем не останавливались в выполнении этой программы. Не их вина, если их старания не увенчались успехом. Во время монархии премьер-министры Кановас дель Кастильо, Каналехас и Дато поплатились жизнью за гораздо меньшее чем то, что наделали социалисты и „левые“ политиканы.

Какая солидарность могла быть установлена с людьми и с партиями, которые в течении двух лет перебили больше рабочих, чем монархия за четверть столетия? С людьми и партиями, которые усилили все методы истребления и подавления противников слева и делали все, что могли (вспомним, например, забастовку в Телефонной Компании), чтобы безоговорочно обслуживать врагов пролетариата?

Поведение испанских социалистов и левых республиканцев, которые более или менее открыто об'единены, более чем оправдывает политику отчуждения со стороны анархистов. Разве за это анархисты могут быть обвиняемы в сектанстве и в узости?

Республика 14-го Апреля

Анархисты не возлагали больших надежд на республику 14-го апреля, но они также не ожидали от нее таких подлых результатов и деяний за такое короткое время. Никто не поверил бы тому, кто взялся бы предсказывать, что экономическая, политическая и социальная ситуация будет хуже при республике. Этому не поверили бы даже наши собственные товарищи. Однако вооруженные восстания в Андалузии и в Фигольсе (8-го января и 8-го декабря 1933 года) обозначили полный разрыв между пролетариатом и республикой.

Забастовка рабочих против выборов в ноябре 1933 г. красноречива сама по себе и она послужила причиной перемены правительства, но республика, как и раньше, продолжает идти по анти-пролетарской и анти-революционной дорожке.

Какая разница для жертв кто сидит у власти? Идеология правящих партий в действительности имела безконечно малое значение. Партии „правых“ начали захватывать государственный аппарат в начале ноября 1933 года, а 5-го октября 1934 г. они фактически имели полный контроль над Испанией. Что касается революционных рабочих, то тысячи заключенных было раньше и тысячи заключенных теперь; они должны были держать нелегально свои организации тогда, как и теперь. При правительстве „левых“ республиканцев и социалистов мы не имели никаких прав кроме тех, которые брали собственными силами; при правительстве „правых“ мы находимся в тех же самых условиях. Крики устраненных от теплых политических местечек против создавшихся условий не могут заставить нас изменить наше прежнее отношение к решению социального вопроса и к политическому жульничеству.

Поражение на выборах 18-го ноября должно было заставить „левых“ республиканцев и социалистов немного подумать, но они не хотят понять, что эра пустых парламентских разговоров прошла и что народ больше не удовлетворяется обещаниями. Вместо того, чтобы понять, что ноябрьская забастовка выборщиков явилась в результате их непонимания действительных задач Испании, они стали самоуверенными в своем поражении и изменили тактику. С этого момента они начали подготовлять вооруженное восстание. Их программа, их идеи, их цели остались теми же самыми. Поэтому, если анархисты отказались служить ступенькой для республиканцев и социалистов, когда они карабкались к власти при помощи избирательного бюллетеня, то теперь они тем более не могли предложить им помощь в деле отвоевания ими власти путем вооруженного восстания. Их позиция осталась той же самой, ибо они решительно ничего не изменили в отношении решения вопроса в пролетарском и социальном духе.

Изменен метод, но не программа.

Мысль о вооруженном восстании зародилась среди молодых элементов Социалистической Партии и она особенно стала расти после восстания австрийских социалистов. Признанные вожди испанских социалистов, однако, были против этого нового метода. Несмотря на то, что время от времени выбрасывался лозунг: „вся власть социалистической партии!“ — в действительности же испанские социалисты имели в виду организацию коалиции с „левыми“ республиканцами во главе с Азанья. Новой вещью для „левых“ республиканцев и социалистов было признание диктаторских целей, а сторонники диктатуры — всегда фашисты, независимо от партии или секты, которая ее осуществляет.

Мы были заинтересованы в возможном изменении фронта испанскими социалистами и мы внимательно следили за их работой и за их заявлениями. Когда мы удостоверились, что их крик о вооруженном восстании есть только юношеский энтузиазм и что за этим криком кроется желание партийной диктатуры, а не программа реализации социализма, мы были очень разочарованы и еще раз убедились, что только мы одни представляем идею социальной революции.

Нам не было причины радоваться этому, потому что революционер не является скрягой, который стремится к исключительному владению своими драгоценностями; наоборот, чем больше людей проповедует и защищает социальные идеи, тем богаче и сильнее революционер чувствует себя. К несчастью идея социальной революции была, и продолжает быть до сегодняшнего дня, достоянием только испанских анархистов. Теперь о позиции Национальной Конфедерации Труда.

Положение в Каталонии.

В случае вооруженного восстания правых, с явно выраженной реакционной идеологией, никто не потребовал бы, чтобы мы принимали в нем участие. „Правые“ всегда прибегают к вооруженному восстанию. Фашизм — мятежен. В октябре 1934 года мы очутились между двумя мятежными ситуациями: между Мадридской и Каталонской. Мы остались пассивными. За эту пассивность, которая, между прочим, была очень относительной, на нас полился поток интернациональной грязи, о которой мы упоминали выше. Посмотрим теперь насколько это справедливо.

Начнем с Каталонии.

С того момента, когда Национальная Конфедерация Труда и Иберийская Федерация Анархистов начали повстанческую революционную организацию, „Эскверра“, правящая партия Каталонии, существовавшая благодаря толерантности анархистов Каталонии, исходя из того, что мы не поддерживали ее политику, пришла к абсурдной мысли раздавить Национальную Конфедерацию Труда. Пример с нашей прессой весьма знаменателен: „Солидаридад Обрера“, ежедневная газета Н. К. Т. в Каталонии, выходила в течении всего 1934 г. не больше одного месяца, несмотря на то, что она являлась второй, по циркуляции, крупной ежедневной газетой этой области. Союзы Конфедерации работали совершенно нелегально. Наши союзные залы, атенеи, культурные центры и клубы были закрыты в течении всего 1934 года; ясно, единственная проблемма, которая стояла перед правительством Каталонии — это разрушение Национальной Конфедерации Труда и полное уничтожение Иберийской Федерации Анархистов. Останавливались-ли они перед средствами, чтобы нас уничтожить? Были ли они щепетильны в выборе средств? Нужна была бы целая книга (и это была бы интересная книга), чтобы описать поведение каталонского правительства по отношению Н. К. Т. Это рекорд непрерывной подлости, доходившей до ужаса, благодаря насилию, которое они применяли, и благодаря невежеству и слепоте ответственных лиц этого правительства.

„Эскверра“ оказалась в Каталонии беззащитной, благодаря политической неспособности и моральному банкротству. Казалось, что они вошли в правительство только для того, чтобы дать битву Н. К. Т. и Иберийскому Союзу Анархистов и дескредитировать себя. Действительно, это неожиданно, что наши товарищи так долго терпели нахальство правительства. Анархисты не хотели вступать на путь индивидуальных террористических актов, на которые областное правительство толкало их ежечасно. Была-ли эта тактика правильной? Время ответит на этот вопрос... Факт, что в течении немногих последних месяцев, особенно после дела с сарагосскими детьми, анархисты приняли вызов, но октябрьские события помешали Н. К. Т. и Иберийскому Союзу Анархистов ответить на провокации „Генералитета“.

Исключительная хладнокровность нашей организации иссякла и борьба должна была начаться на единственном поле, оставленном для анархистов, но к этому моменту развернулись события вооруженного восстания.

Каталонское правительство провалилось со своей автономией. Финансовое банкротство было полным, а жестокость и некомпетентность выдающихся людей „левой“ или правящей партии Каталонии, неизбежно должны были привести к таким конфликтам, которые урезали бы их автономию: это было вопросом недель или даже дней. От Каталонского правительства, по меньшей мере, было бы отобрано право на поддержание общественного порядка и передано было бы Мадридскому правительству, а затем и все остальные привилегии в области управления также были бы отняты. Отсюда и подготовка „Генералитета“ к сдаче через частичный вооруженный переворот 6-го и 7-го октября все больше и больше подтверждается. Руководители движения месяцами наперед подготовляли свое бегство. Вместо того, чтобы открыто признаться в своей неспособности решить проблемы политической, социальной и экономической жизни Каталонии, они решили инсценировать „героическое падение“, которое оказалось просто смешным. Таким и было восстание „Генералитета“ 6-го октября.

Мы не можем поверить, чтобы они думали об успешности восстания, доказательством этого служит то, что они в самую последнюю минуту решительно были против вмешательства Н. К. Т. и Иберийской Федерации Анархистов, которые только и могли придать движению серьезный характер. Мы знаем низкий умственный уровень лидеров „Генералитета“ — это были люди чрезвычайно посредственные; лишенные мозгов, они чувствовали себя сильными в импульсивности и надменности. Если даже и так, то, все равно, трудно допустить, чтобы они были на столько глупы, чтобы подготовить движение так, как это они сделали. Все носило характер вульгарной комедии, которой хотели прикрыть свой полный провал, как государственных деятелей.

Если даже будет доказано, что „Генералитет“ действительно думал преуспеть в октябрьском восстании, то ответственность его будет гораздо больше, но пока что мы спокойно можем сказать, что они имели в виду не выигрыш, а оправдание в глазах своих собственных сторонников за сдачу власти, которую они дальше не могли держать в своих руках.

Почему же Н. К. Т. не примкнула к движению?

„Рабочий Альянс“, представляющий сборище различных течений в рабочем движении: оппозиционные союзы, социалистов и коммунистов, довольствовавшийся покровительством и привилегиями, гарантированными ему каталонским правительством, этот „Альянс“ считал для себя возможным

и этичным пользоваться правительственной поддержкой в целях разбивания забастовок, руководимых Н. К. Т., как, например, совсем недавнюю забастовку водников, и отдавать себя в руки г-на Денкаса и компании, как орудие выполнения его политических планов. Альянс пошел к президенту „Генералитета“ просить о провозглашении независимости каталонского государства. Когда все это было сделано, то был дан приказ стрелять в членов Н. К. Т. и И. С. А., при первой их попытке придти в движение, и когда товарищи пытались открыть свои союзные помещения, закрытые каталонским правительством с декабря 1933 г., то правительственные стражники расстреливали их. Что нам было делать?

Имелся случай превратить комедию Генералитета в действительное революционное движение, но это было тогда, когда Компанис, как президент Каталонии, об'явил, всего лишь после нескольких часов борьбы, о сдаче. Мы все это видели. Ожидали, что Н. К. Т. возьмет в свои руки движение и придаст ему свои собственные цели. С чем? Ведь нельзя забывать, что Н. К. Т. в течение года существовала только как подпольная организация, что ее залы были закрыты, что преследования сделали невозможным заняться какой бы то ни было существенной подготовительной работой. Н. К. Т. и И. С. А. не имели оружия, а без оружия было невозможно в несколько часов мобилизовать боевые силы, когда, к тому же, все стратегические пункты города были уже заняты пехотой, моряками и гражданской гвардией. Имей мы хоть немного оружия, борьба несомненно началась бы и, если не Барселона, вся остальная область была бы в руках Н. К. Т.

В некоторых городах Каталонии наши товарищи кое-что делали: то малое, что делалось, делалось никем иным как только нашими товарищами. Но так как Барселона находилась в условиях, исключающих революционное действие, то и не было оказано серьезного сопротивления; восстание Генералитета, несмотря на поддержку Рабочего Альянса, не могло иметь других результатов кроме небывалых в Каталонии репрессий против левых элементов как политических, так и социальных. Час спустя после восстания Генералитета, „Рабочий Альянс“ сделал попытку привлечь к движению Н. К. Т. в целях независимости Каталонии.

Оставляя в стороне факт, что Н. К. Т. не могла поддерживать такое движение, потому что Н. К. Т. есть революционная рабочая организация, не связанная политической партийностью и всякого рода национализмом, переговоры с „Рабочим Альянсом“ были холодны и носили характер простой формальности. По-правде говоря, Альянс также не хотел вмешательства Н. К. Т. Наша организация примкнула ко всеобщей стачке и это было все.

Даже Альянс не получил оружия от Генералитета, еще меньше имела шансов на получение оружия Н. К. Т., так как правительство прекрасно понимало, что, если Н. К. Т. будет иметь оружие, движение немедленно примет иной характер и иное направление. **Без оружия ничего не могло быть сделано и ничего не было сделано.**

Установлено, что октябрьское движение в Каталонии не имело ни общих целей и ничего общего вообще. Имей Н. К. Т. средства вмешаться, то, конечно, она вмешалась бы не в целях защиты такого движения, каким оно было, но в целях придания ему пролетарского и революционного характера. Это было невозможно, — пассивность была вынужденной, она была результатом репрессивной политики правящей партии. Можно-ли после этого упрекать анархистов, что они не совершили революции? Могут ли анархисты упрекаться и особенно теми, кто предавал все наши революционные движения?

Об одном инциденте.

В виду того, что не поступало никаких известий из целой области, где товарищи различных городов были готовы начать восстание, потому что носились слухи, что Н. К. Т. ведет борьбу в Барселоне, то казалось правильным вернуться на работу после двух дней всеобщей стачки. Кроме радио не было никаких способов передать приказ, но оказалось, что все радио-передаточные станции были заняты войсками и перед нами была одна альтернатива: либо принять факты такими, какими они были, либо отказаться от своих намерений. Может быть это была ошибка, оно так и было понято членским составом Н. К. Т. и анархистами, поэтому через несколько часов ответственные комитеты организации и подали в оставку. Все было бы иначе, если бы только мы подозревали, что в Астурии началась действительная борьба. Но оттуда не было никаких сведений, а так как Мадридское восстание также было подавлено, то отзыв всеобщей стачки казался необходимым. Инцидент с радио-передачей явился следствием ненормальных условий, в которых находился город. Был-ли этот шаг правильным или ошибочным, упрекать не тем, кто за несколько часов перед этим был на стороне каталонского правительства с его свирепым преследованием Национальной Конфедерации Труда и Иберийской Федерации Анархистов.

(Окончание следует)

Диего Абод де Сантильян.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

„Факты говорят, что мы уже построили фундамент социалистического общества в С.С.С.Р. и нам остается лишь увенчать его надстройками — дело, несомненно, более легкое чем построить фундамент социалистического общества.

И. СТАЛИН.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ БЕЛОРУССКОЙ С. С. Р.

(Из письма крестьянина колхозника)

Дорогой товарищ, К-ий, ваше письмо получил, прошу извинения, что так долго молчал. За письмо ваше приношу вам великую благодарность. Теперь я вам напишу кое-что относительно здешнего положения.

Поверьте, дорогой товарищ, что жизнь для этих людей, а равно и для меня, невыносима и, вероятно, **близится то время, когда или буквально все сойдут с ума, или придет ужасная заразная болезнь и со всеми рассчитается по своему.** Чтобы показать вам, почему я так думаю, я сообщу вам следующие жизненные факты С.С.С.Р.

Урожай в Белорусской С. С. Р. оказался выше среднего, т. е. очень даже хороший, и казалось, что люди будут бросаться хлебом один в другого, который они получат за свой тяжелый и беспрестанный труд. ОКАЗАЛОСЬ, что ОШИБЛИСЬ и даже здорово. Опишу вам житье одной колхозной деревни, а вы должны понимать, что и во всех остальных деревнях тоже самое.

Этот колхоз, по плану посева и обработки земли, здал государству налогу: **ржи — 1300 п., овса — 700 п., ячменя — 670 п., пшеницы — 400 п., фуражного сена — 900 п., гороху — 200 п., гречихи — 200 п., вики — 150 п., льняных семян — 60 п., картошки — 2480 п., огурцов — 36 п., капусты — 80 п., бураков — 50 п., моркови — 20 п., брюквы — 20 п., коноплей — 6 п., льняного волокна — 36 п., пеньки — 6 п., живого мяса — 50 п., молока — 4000 литров и 6000 руб. деньгами.** Это согласно постановлению Сов. Нар. Комиссаров.

Теперь каждый колхозник должен еще отдельно от колхоза отдать: **32 килограмма или вернее 2 пуда живого мяса, 60 литров молока с коровы, 17 рублей налога, 17 рублей самооблога, 34 руб. культналога и страховку в зависимости от состояния построек, которая доходит до 70 рублей и меньше.**

Все это отдано в срок и в терм, иначе штраф в денежных знаках. Работали не покладая рук: **днем жали, ночью молотили,** чтобы не просрочить время.

Теперь, когда все было улажено с государством, оказалось что каждому колхознику приходится на трудодень ДВА С ПОЛОВИНОЮ килограмма, вернее, 6 фунтов — это всего, считая картошку и все другое.

И вот, последних три месяца они молотили, картошку выбирали, т. е. оканчивали свою работу. Как только окончили, приехали представители власти и заставили этот самый колхоз, как будто добровольно, продать государству еще хлеба, а именно: **22 тонны или 1364 пуда ржи, ячменя, овса, т. е. „збожевых" культур и 40 тонн или 2480 пудов картошки.**

Хотите, считайте добровольно, но все **колхозники,** за исключением старшины колхоза, **плачут, как дети, что хлеба нет, а если есть, то уже оканчивают.** Государство, когда брало заготовку, т. е. в июле и в августе месяцах платило колхозу по 1 руб. 20 коп. за пуд, а теперь тоже платить по 1 руб. 20 коп. за пуд, а цена хлеба на рынке стоит 45 — 50 руб. за пуд. В Минске черный печеный хлеб в государственных лавках стоит 1 руб. 50 коп. килограмм (60 коп. за старый русский фунт. Ред.), а килограмм беловатого стоит 3 руб.

С единоличниками дела обстоят еще хуже. Возьму для примера одно хозяйство, всех нельзя упомянуть. У этого хозяйства имеется 4 десятины пахотной земли и сенокоса. Это хозяйство должно было здать государству по обязательной заготовке: **12 п. ржи, 7 п. овса, 6 п. ячменя, 2 п. пшеницы, около 4-х пудов гречихи, гороху и вики, до 100 пудов картошки, 30 пудов сена, которого нет, полутора пуда льняных семян, пол-пуда конаплей, 2 п. капусты, пуд бураков, пол-пуда огурцов, 10 ф. моркови, полутора пуда льняного волокна, пол-пуда пеньки, 10 ф. брюквы, 2 ф. маку, 3 пуда и 5 ф. мяса живым весом, 125 литров молока с коровы, 300 рублей денежными знаками — налоговые, 300 руб. самооблога, 600 руб. культналога и 75 руб. страховки.**

И от этого свободно можно попасть в дом умалишенных, но государство нашло, что этого мало и, вернувшись, теперь наложило больше, а именно: **за каждый рубль, присланный раньше, теперь прислало наверх этого 1 рубль 75 коп. и даже до 2 руб. 25 коп. И этим завершило все.**

Теперь происходит что-то непояснимое — взыскивают наложенное. А как взыскивают. Все забирают под метелку: хлеб, всех животных и даже хату и оставляют на произвол судьбы семью. Как хочешь, так и живи.

Случаи есть такие — одни молчат, другие сопротивления делают. **Одну женщину увечили и сломали руку; другая, девушка, схватила топор, защищая имущество, и Верховный Суд присудил ее к высшей**

мере наказания за сопротивление и применение холодного оружия против власти.

Вот какой здесь социализм. Подумайте, и особенно пусть подумают те, у которых завязался узел в мозгу. А разве это все? Нет, даже возможности нет затронуть все стороны издевательства над этими людьми. Поживем еще — увидим дальше.

Вам, может быть, пишут, что контр-революция убила тов. Кирова. Нет, это не контр-революция, а настоящие революционеры убили этого палача народа. У этих людей была еще большая надежда, да не удалось. По газетным сведениям 100 людей уплатили жизнью за одного. Это — беглые новости большого характера, а сколько малого характера так им и счету нет.

Затем будьте здоровы.

Ваш друг **Ф—ов.**

19-го декабря 1934 г.

ЯПОНИЯ

Свободная Национальная Федерация Профессиональных Союзов

(Японская Секция Международного Товарищества Рабочих)

(М. Т. Р.) С момента реорганизации, когда в марте 1933 года две ранее параллельно существовавшие национальные организации Японии об'единились в одну: в „Свободную Национальную Федерацию Профессиональных Союзов", Исполнительный Комитет Федерации имел первое свое заседание 3-го и 4-го ноября прошлого года в Токио. Заседание происходило при тяжелых условиях, оно было нарушено полицией, которая еще по пути из Окаямы в Токио арестовала двух делегатов, кроме того, оттиски резолюций, подлежавших обсуждению, были конфискованы и обсуждение этих резолюции было запрещено. Заседание все же имело место, на нем присутствовало 30 делегатов. Самыми важными пунктами порядка дня были вопросы об отношении к корейским рабочим в Японии и об оживлении профсоюзов в Кванто, пригорода Токио. Было установлено, что среди работающих в Японии корейских рабочих анархическое и синдикалистское влияние гораздо сильнее, чем в самой Корее. Сотни корейцев, одетых в тряпье, принимали участие в прошлогодней первомайской демонстрации в Токио, они шли под черными знаменами и пели революционные песни.

Корейские рабочие в Японии занимаются черным трудом и работают в таких же условиях, как „кули". Они примыкают к двум организациям, а именно: к „Корейскому Рабочему Союзу Токхо", нечто вроде „Черной Руки" и ко „Всеобщему Союзу Корейских Рабочих", который базируется на революционно-синдикалистских идеях. Обе организации, хотя и об'единяют многие тысячи рабочих, тем не менее ощущают материальные затруднения, являющиеся результатом ужасной нищеты корейских рабочих. Они издают свой орган на корейском языке, но выходит он очень нерегулярно. К сожалению, наши японские товарищи не понимают корейского языка и по этой причине не могут помочь этим рабочим. К тому же, нельзя отрицать этого, даже революционные рабочие не совсем еще свободны от достойного сожаления недоверия, существующего между японцами и корейцами. Причиной этого является различие моральных уровней обоих народов и политические и экономические различия.

Наше ноябрьское собрание обсуждало и дискуссировало эти вопросы в духе тесной совместной работы среди японских и корейских рабочих; предостережение против братания с „Рабочим Союзом Корейцев Токхо" было отвергнуто. Совет Профессиональных Союзов в Кванто — вышеупомянавшаяся профорганизация пригорода Токио — не политическая организация, которая на протяжении более десяти лет устраивает первомайские демонстрации в Токио. Эта организация теперь охватывает все профсоюзы Кванто и, являясь единственным профсоюзным центром, стала еще более активной. Пишущий этот отчет был, например, послан в 1924 г. профсоюзами Кванто в Китай в целях обследования тамошнего рабочего движения и продолжения японо-китайской совместной работы в рабочем движении.

Так как профсоюзный центр Кванто был основан синдикалистами и все еще находился под их влиянием, то „Национальный Социалистический Союз" был первым, который вышел из состава профсоюзов Кванто в 1933 г. и этому шагу в 1934 г. последовал „Социал-демократический союз", а затем „Всеобщая Японская Рабочая Федерация". Некоторые независимые союзы как, например, токийские транспортники все-же остались в союзе вместе с левыми социал-демократическими и прокоммунистическими союзами. Они образовали совместно с профсоюзами Кванто свободную федерацию без определенного исполнительного органа.

На нашем заседании обсуждались меры оживления этого союза, как неполитической организации, и единого центра рабочего движения; было решено, чтобы все союзы, входящие в состав профсоюзов Кванто, информировались бы нашими членами о всех дискуссиях, происходящих в наших рядах, и чтобы затем Национальный Комитет нашей организации созвал совместное собрание для обсуждения этого вопроса. По окончании заседания были арестованы два делегата из Осаки, которые были задержаны полицией несколько дней. Их обязали немедленно оставить Токио, где начались военные маневры.

Токио, 15 декабря 1934 г.

К СВЕДЕНИЮ РУССКИХ ГОРОДА МОНТЕВИДЕО.

Все русские, проживающие в городе Монтевидео и в его окрестностях, могут пользоваться нашей библиотекой, которая насчитывает более 600 томов, а так же имеет много брошюр, журн. и газет. Книги выдаются на-дом. В библиотеке всегда можно иметь свежие номера журнала „Дело Труда" и испанской газеты „Солидаридад".

Адрес библиотеки: Улица Сентро Америка, 362, Виже дель Серро.

Библиотека открыта ежедневно от 5-ти до 9-ти часов вечера.

Библиотекарь Д. ЕЛАК.

Читайте и распространяйте журнал „Дело Труда" — орган анархо-коммунистической мысли.

БОЛГАРИЯ

Письмо от Болгарских товарищей.

Дорогие товарищи, ваш орган „Дело Труда“ мы получаем аккуратно. Несколько дней тому назад мы получили пачку с тремя экземплярами брошюры „Беседы с Бакуниным“. С большим удовольствием читаем все, что вы издаете. Хотя в нашей стране и фашистская диктатура, мы все-ж таки до сего дня получали все, что высылали нам. Получаем и из других стран издания наших единомышленников, но беда в том, что лишь немногие из нас могут читать на иностранных языках, а потому от иностранной печати мы получаем мало пользы. Русский язык очень близок к нашему и почти все наши товарищи читают анархические издания на русском языке и мы очень вам благодарны за все присылаемое. До сих пор мы не выслали вам ни единой копейки. Главная причина этому не небрежность, а большая безработица, а также мы не высылали вам денег еще потому, что очень трудно высылать деньги в иностранной валюте: нужно идти в государственный банк и об'яснять куда, зачем и почему мы хотим посылать иностранную валюту и целый ряд других формальностей, которые, фактически, делают невозможной посылку денег. Мы все же имеем в виду когда либо уплатить вам. „Работническа Солидарность“ давно закрыта, а потому по ее адресу ничего не посылайте.

Мы имеем к вам еще одну просьбу. Если вы имеете все номера „Дела Труда“, которые были выпущены до сегодняшнего дня, то очень просим вас выслать нам комплект. Это необходимо для нашей библиотеки и особенно комплект нам необходим еще потому, что в журнале имеется много работ, которые мы можем использовать.

За все присылаемое будем вам очень благодарны.

Два месяца тому назад из Софии была выслана информация о положении в Болгарии, которая написана на эсперанто, надеемся, что вы напечатаете ее в „Дело Труда“. До сих пор мы еще не видели ее напечатанной. Мы не знаем почему: потому ли что она не подходит или потому что некому переводить с эсперанто? Сообщите на каком другом языке мы можем посылать вам информации о положении в Болгарии. Мы могли бы писать по-французски и по-немецки, но самым удобным для нас был бы эсперанто, на этом языке мы ведем переписку со всеми странами.

Затем шлем вам и всем товарищам группирующимся вокруг „Дела Труда“ и лично тов. Максимову наш боевой привет.

С братским приветом издалека
за всех товарищей

Иван Неделков.

От Редакционной Коллегии

Дорогие товарищи, с удовольствием будем продолжать высылку всех наших изданий. Корреспонденция ваша напечатана в прошлом номере „Дело Труда“. Пишите по-немецки, а если можете прислать нам болгаро-русский словарь, то можете писать по-болгарски.

Сердечный привет от всех товарищей нашей Федерации

Редакционная Коллегия „Дела Труда“.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

Кое-что о деятельности Союза Российских Тружеников гор Нью Иорка

Вследствие долго длящегося экономического и политического кризиса, сильно отразившегося на материальном состоянии рабочего и пошатнувшего моральные и политические устои его, — рабочее движение в настоящее время стоит на распутьи. Было время, когда взоры всех трудящихся были обращены на революционную борьбу русского народа против своих угнетателей. Выдвинутые революцией лозунги свободы и экономического равенства, были подхвачены государственниками-марксистами, при помощи коих им удалось очутиться у власти. Захватив власть, большевики нанесли революции смертельный удар: отняли завоеванные революцией свободы и обманули рабочих и крестьян. Превратив всю страну в застенок, большевики и по сие время продолжают расстреливать революционных рабочих и крестьян, а в ссылках и тюрьмах держат миллионы неповинных людей. Большевистская олигархия поработила русский народ.

Не лучше обстоит дело и в западно-европейских странах, где очутившиеся у власти социал-государственники, благодаря своей уступчивости капиталистам, допустили еще более страшный бич человечества — фашизм, который, как спрут, охватил своими щупальцами Германию, Италию, Польшу и др. страны. Все эти события сильно отразились на психологии и политических убеждениях рабочих масс не только Европы, но и Америки. Многое из того, что было добыто долголетней упорной борьбой, в настоящее время почти утеряно и рабочему классу приходится вновь начинать борьбу за свободу и равенство трудящихся. Но как после болезни наступает кризис и больной начинает выздоравливать, так и в рабочей среде проявляется здоровая тенденция к самодеятельности. Умы и сознание рабочих масс просветлели, а вера в льстивые обещания социал-государственников окончательно утеряна. Люди понемногу начинают разбираться в происходящих событиях и ищут выхода из создавшегося хаоса. В то время, как передовой элемент трудящихся вполне уяснил банкротство государственного социализма, среди рабочих еще имеются такие, которые не знают к какому берегу пристать. Некоторые все еще продолжают слепо идти на поводу у большевиков, другие опрометчиво кидаются в реакционную крайность — фашизм, третьи, по мещански, стоят в стороне от политической жизни. Кроме того, есть еще среди рабочих и такой „слой“, который попрежнему якшается с разными социал-парламентскими партиями, неимеющими в настоящее время почвы под собой. Но в общем рабочая масса, хотя и медленно, начинает интересоваться идеей безгосударственного строя.

Настало такое время, когда все государственные „измы“, не выдерживают критики, так как жизнь человеческая, культура и прогресс беспощадно ломают все государственные построения. На смену современному отсталому строю должен придти новый строй Анархизма, который даст человечеству возможность осуществлять равенство, братство и свободу, строй, при котором не будет эксплоатации миллионов людей жалкой кучкой паразитов.

Стоя на страже рабочих интересов и учитывая создавшееся положение, Союз Российских Тружеников г. Нью Иорка всегда шел на встречу культурным потребностям русской трудовой колонии, и все время стремится к тому, чтобы вести просветительную работу в таком направлении,

чтобы рабочий мог понять свои интересы и правильно боролся за них.

С. Р. Т. старается раз'яснить рабочим массам правильный подход к делу освобождения от государственного ига, поэтому, по примеру прошлых лет, Союз в этом году с усиленной энергией продолжает свою работу на революционном поприще.

Принимая участие в издание журнала „Дело Труда", Союз также устраивает лекции, доклады, дискуссии и пр. Совместно с другими анархическими группами Союз принимал участие в устройстве масс-митингов: митинг памяти Н. Махно и митинг протеста против свирепого преследования испанской керенщиной революционных анархистов Испании. Вся эта работа проводилась своими местными силами, а потом при содействии Федерации, когда редактору журнала „Дело Труда Максимову был устроен лекционный тур, давший удовлетворительные результаты. Следует отметить, что и в эту зиму, приезд тов. Максимова к нам, в Нью Иорк, пришелся как раз в пору, т. е. в такое время, когда в рабочей среде больше уделяется внимания культурно-просветительной работе. В этом сезоне Союзом было устроено в Нью Иорке пять лекций, которые прошли достаточно успешно. Посещаемость лекций была в среднем выше 100 чел. Слушатели в большинстве интересовались такими злободневными темами как банкротство государственного социализма и современное положение в России.

Со стороны слушателей на всех лекциях вопросов поступало больше, чем возражений, а в общем получалось такое впечатление, что публика уходила оптимистически настроенной; нужно отдать справедливость тов. Максимову за его умелый, ясный, точный и идейно-выдержанный подход к делу; мысль и слова его, как здоровое зерно в почве, глубоко вкоренялись в умы и сознание слушателей, среди которых немало было и большевиков.

Можно с уверенностью сказать, что лекции во всех отношениях были успешными, ибо настроение в колонии поднялось, а это для нашего движения большой плюс. Кроме того, на этот раз нашего лектора пригласили некоторые отделы РООВА прочесть у них ряд лекций. Первым положил начало бронзвильский 4-й отдел, который устроил лекцию на тему: „Построили ли большевики фундамент социалистического общества?" Эта лекция пробила брешь в большевистской цитадели, так как читалась в народном доме, где большевики захватив управление нардомом, ведут его по пути бронзвильского потребительского кооператива, давно ими похороненного. Лекции читались также и в других отделах РООВа: в Нью Иорских 2-м и 25-м, в 35-м отделе в Бронксе, в 14-м в Гестингсе, в 24-м в Нуарке и в других.

Помимо лекций, был устроен симпозиум на тему: „Правы ли анархисты в своей критике государственного социализма?" — который тоже прошел успешно при переполненном зале.

Выше уже сказано было, что лекции о банкротстве государственного социализма вызвали большой интерес в рабочей массе, а потому это задело гос. социалистов, которые гневно отвергали банкротство своего детища. Со стороны эсэров выступал Ф. С. Мансветов, а со стороны социал-демократов А. Г. Алексеев. Время для выступления докладчиков было распределено поровну, следовательно, т. Максимову пришлось иметь дело против двух оппонентов, с чем он успешно справился, так как его оппоненты ничего не сказали в защиту своих идей, а только пробовали, и неудачно, отыграться на критике анархизма. Наш докладчик и на этот раз подтвердил фактическими данными соц. государственическое разложение и доказал, что немецкие и австрийские социалисты об'ективно являются повивальной бабкой фашизма. Следовательно, и на этот раз доказано было, что государственный социализм потерпел крах на всех фронтах...

Совсем иначе обстояло дело у нас с местными большевиками, которые кричат на всех перекрестках, что в СССР уже заложен фундамент социализма и что стоит лишь положиться на Сталина и он приведет Россию в царство свободы и проч. Зная, что большевики также далеки от подлинного социализма, как луна от земли, и желая уяснить это рабочим массам, Союз Р. Т. вызвал представителей компартии („Новый Мир") на диспут: „Построили ли большевики фундамент социализма в СССР?" Когда наша комиссия обратилась к новомирцам, чтобы они выступили в диспуте и публично доказали свои достижения в СССР, то последние попросили отсрочку и обещали дать ответ к назначенному времени. Срок истек и сталинские лакеи не отвечают, тогда комиссии пришлось вторично запросить их, но и на этот раз новомирские заправилы только обещали дать ответ, которого, конечно, они не дали; поджав хвосты, они „храбро" замолчали, даже не посмели заявить об этом на страницах своей „рептилки".

В заключение следует добавить, что на последней лекции тов. Максимова был сделан шапочный сбор в пользу политических заключенных в России анархистов, который дал около восьми долларов.

По поручению Союза Российских Тружеников

Е. М—д.

ВОЗЗВАНИЕ

Русского Независимого Общества Взаимопомощи г. Ст.-Луиса и окрестностей ко всем обществам взаимопомощи, культурно-просветительным организациям и анархическим группам.

Уважаемые друзья, рабочие!

Кто не помнит 1917 год, когда все мы были полны энтузиазма и энергии, когда были отзывчивы на всякое хорошее дело, на дело революции? Тогда все передовые, активные товарищи наши „в любви беззаветной к народу" шли в гущу народной массы, пробуждая ее от вековой спячки: они делали все возможное для торжества идеи. Мы также помним беспощадный погром русских организаций в СШ Палмером. В результате этого погрома большинство передовых и активных наших товарищей были арестованы и депортированы в Россию. Депортация тогда не пугала нас, наоборот, мы радовались этому и говорили: „их депортировали сегодня, нас депортируют завтра". Мы гордились этим, думая, что едем в свободную Россию, где надеялись строить новую жизнь на началах свободы, равенства и братства, чтобы доказать всему миру, что мы, русские, любим свободу и построенный на ней социалистический строй жизни, который дает возможность жить культурно и нравственно. В то время у нас была одна идея — вольные крестьянские и рабочие советы. Мы радовались тогда, что русский народ освободился от векового гнета и рабства, которые тяготели над ним при царствовании дома Романовых. Но радость наша была скоротечна. Мечты наши разлетелись в пух и прах. Над Россией снова нависли

Милли Рувинский — жертва большевистского террора. (сведения о нем см. в № 84 „Д. Т.“.

темные тучи и кромешная тьма сменила ясный и радостный день революции. Марксистский коммунизм уничтожил все завоевания революции. Теперь Сталин со своими опричниками, как Тамерлан, задавил Россию и согнул в бараний рог крестьян и рабочих. Своим иезуитизмом и азиатским деспотизмом они перещеголяли всех известных в истории страшных деспотов. Что испанская инквизиция в сравнении с большевистской инквизицией! Что террористический разгул Грозного, Петра Первого в сравнении с разгулом террора Ленина и Сталина! Те уничтожали сотнями и тысячами, а эти десятками тысяч, сотнями тысяч!!! Даже теперь, когда они в полной силе, они продолжают расстреливать неповинных людей сотнями. Они загнали всех свободомыслящих русских рабочих в тюрьмы, конц-лагери, полит-изоляторы, в ссылку и потому их стоны и ропот не могут достигнуть наших ушей с полной силой. Исходя из вышесказанных соображений, Ст.-Луисское Общество Взаимопомощи 6-го октября 1934 г. устроило бал, половина дохода от которого (12 дол.) пошла в пользу политических заключенных в СССР., а другая половина (12 дол.) на поддержание Музея имени П. А. Кропоткина в Москве. *Ст.-Луисское Общество призывает все русские об'единенные и независимые общества, а также и все анархические группы последовать нашему примеру и начать устраивать предприятия, хотя бы одно в год, в целях помощи тем людям, которые со скрежетом зубовным переносят пытки, голод и холод в Соловках и Сибирских тундрах.* Этим мы поддержим их физически и ободрим духовно, дадим почувствовать им, что они не одиноки, не забыты всеми, что еще у них есть друзья и единомышленники на свободе, которые помогают им борятся с неслыханной в истории диктатурой до победоносного конца.

Довольно, товарищи, спать, пора взяться за дело! Обратите серьезное внимание на наше воззвание. Во всех больших и малых городах Соед. Штатов и Канады имеются русские организации, и если каждая устроит предприятие с этой целью, то будет большая поддержка политическим заключенным в СССР и косвенным образом всему русскому народу, изнывающему под гнетом большевистского деспотизма.

С приветом ко всем родственным организациям

Русское Независимое Общество Взаимопомощи гор. Ст.-Луиса, Масс, и окрестностей.

Предварительный отчет о лекционном туре.

Полный отчет о лекционном туре будет дан в следующем номере „Дела Труда“, сейчас же я дам только краткие сведений статистического характера.

Лекционный тур 1932-1933 г. продолжался 57 дней, в течении которых было прочитано 30 лекций в 12 городах; на лекциях присутствовало 2.300 чел. Из этих лекций только 4 читались для трех отделов Р. О. О. В., остальные для групп нашей федерации. Этот тур обошелся нашим группам приблизительно в 160 дол.

Лекционный тур 1933-1934 г. продолжался 77 дней, в течении которых было прочитано 44 лекции в 15 городах; на лекциях присутствовало 2978 чел. Из этих лекций 11 читались для 6 отделов Р. О. О. В., а остальные для групп нашей федерации. Этот тур обошелся нашим группам приблизительно в 211.37.

Лекционный тур этого сезона (1934-1935 г.) оказался самым продолжительным и самым успешным. Тур продолжался 93 дня, в течении которых было прочитано 46 лекций (в их числе несколько собеседований) в 17 городах, в Шенандоа и в некоторых других городах не мог быть за неимением времени; на лекциях присутствовало 3346 чел. Из этих лекций 12 были прочитаны для 11 отделов Р. О. О. В., 1 для одного отдела Р. Н. О. В., 2 для двух независимых обществ взаимоп., 3 для одного союза возвращенцев из России, 1 для одного Рабочего Прогрессивного Клуба. В устройстве двух лекций принимал участие один Союз Русско-Америк. граждан, т. е. в этом году я читал для 17 организаций, не входящих в состав нашей федерации, 19 лекций, остальные 27 для 11 наших групп (Чикаго и Ст.-Луис в счет не входят). Этот тур обошелся нашим группам приблизительно в 177.97. На долю лектора, в качестве вознаграждения за труд, пришлось, за вычетом всех расходов, приблизительно около 133 д.

Средняя посещаемость лекций: в 1932-33 гг. — 77 чел., в 1933-34 гг. — 68 чел., в 1934-35 гг. (за вычетом собеседований) — 80 чел.

Мне было задано 513 вопросов, возражало 68 человек. Большевики пробовали сорвать лекцию в Бриджпорте, но не успели в этом. С большей энергией и безобразием они пытались сорвать мою лекцию в Детроите, на которой присутствовало около или свыше 500 человек, но также не имели желаемого успеха, наоборот, они, вероятно, также потеряли в глазах русской колонии, как в прошлом году в Нью Гейвене.

Приношу сердечную благодарность всем группам, обществам, союзам и отдельным лицам, которые в той или иной мере содействовали успеху моего лекционного тура.

Г. П. Максимов.

Товарищи! Не забывайте заключенных и ссыльных! Помогайте!

ДЕШЕВЫЕ КНИГИ!
Федерация Русских Рабочих Организаций штата Коннектикут

имеет в своем распоряжении следующую литературу, которую она решила распродать по низким ценам:

Д. Г. МАККАЙ — „Анархисты", 210 стр. 0.75
М. А. БАКУНИН — „Избранные сочинения", 364 стр.,
в переплете 1.00
без переплета 0.75
ЖАН ГРАВ — „Умирающее Общество и Анархия"
в переплете 0.75
без переплета 0.50
ЕГО-ЖЕ — „Синдикализм в обществ. развитии" 0.10
Э. ПАТО и Э. ПУЖЕ — „Как мы совершим революцию 240 стр. 0.50
Э. ПУЖЕ — „Основы синдикализма" 0.25
Д. ГИЛЬОМ — „Интернационал", 322 стр. 0.50
П. КРОПОТКИН — „Этика" 0.75
ЕГО-ЖЕ — „Современ. Наука и Анархия" 316 стр. . . 0.50
ЕГО-ЖЕ — „Характеристика творчества" 0.10
ЕГО-ЖЕ — „Взаимная помощь, как фактор эволюции" 0.50
ЕГО-ЖЕ — „Поля, фабрики и мастерские", 272 стр. . . 0.75
ЕГО-ЖЕ — „Анархия", 64 стр. 0.10
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ — „Избранные сочинения" 0.50
Н. К. ЛЕБЕДЕВ — „Э. Реклю, как человек, ученый и мыслитель" 0.10
А. КОЧЕГАРОВ (А. Карелин) — „К вопросу о коммунизме 0.05
НОВОМИРСКИЙ — „Что такое анархизм", 126 стр. . . 0.25
РАЕВСКИЙ — „Анархо-синдикализм и критический синдикализм" 0.10
М. ШТИРНЕР — „Единственный и его собственность" 0.50
ЛЕВ ЧЕРНЫЙ — „Ассоциационный анархизм" 0.50
Н. РУБАКИН — „Среди тайн и чудес" 0.35

Цены указаны без пересылки.

С заказами обращаться по адресу:

6 Bura, R. F. D. 5, Box 64, West Haven, Cenn.

ОТЧЕТ
Редакционной коллегии по изданию журнала „Дело Труда" № 84.

ПРИХОД

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ: От группы Кливеланда — 5.00, от группы Детройта — 0.50, от группы Бетлегема — 5.00, от группы Шенандоа — 2.00, от союза Русских Рабочих Монтевидео (через Елака) — 2.00, от Союза Российских Тружеников Монтреаля — 1.70, от группы Акрона — 2.00, от группы Ст.-Луиса — 3.50, от Прогрессивного Землячеств Филадельфии — 9.00, Бриджпорт, от Олешкевича — 2.00, от группы Русских Рабочих Нью Гейвена — 3.10, от группы Балтиморы — 7.00, от Союза Российских Тружеников Нью Иорка — 5.00, от Прогрессивного Клуба Чикаго — 3.00. Всего: 52.80.

В ФОНД „ДЕЛО ТРУДА": Эмбридж, Ф. М. — 1.00, от группы Кливеланда — 4.00, от группы Детройта — 4.00, Детройт, А. Грейн — 4.00, Бетлегем, Н. Феденко — 2.00, от группы Шенандоа — 3.00, от Русских Рабочих Монтевидео — 15.75, от Союза Российских Тружеников Монтреаля — 3.30, от группы Акрона — 1.50, Прогресс. Земляч. Филадельфии — 6.50, от Союза Русск. Раб. Лос-Анжелеса — 5.00, от группы Балтиморы — 1.50, от Союза Росс. Труж. Нью Иорка — 2.00, Малой из Нью Иорка — 1.00, Г. Гарвей, Лос Анжелес — 1.00. Всего: 55.55.

ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ В СССР: Эмбридж, Ф. М. — 1.00, от латышской группы Нью Иорка — 10.00, от Г. Гарвея, через Союз Русских Рабочих Лос Анжелеса — 5.00, от Союза Росс. Труж. Нью Иорка — 10.00. Всего: 26.00.

ЗА ЛИТЕРАТУРУ: от группы Кливеланда за „Беседы с Бакуниным" — 1.00, от Союза Русских Рабочих Монтевидео за „Анархизм" и „Грядущая мировая бойня" — 3.00, от Союза Русских Тружеников Монтреаля — 2.00, Павлюк, Канада, за анг. бр. „Большевизм" — 0.50, от группы Ст.-Луиса за „Беседы с Бакуниным" — 1.00, Прогрессивного Земляч. Филадельфии — 1.50, от группы Русских Рабочих Нью Гейвена за англ. брош. „Большевизм" — 1.50, от группы Балтиморы — 0.50, от тов. Ф. Коваленко, Детройт, на покрытие расходов по изданию мелкой литературы — 1.00. Всего: 12.00.

РОЗЫГРЫШН. БИЛЕТЫ: поступило от групп и союзов: Эмбриджа — 1.00, Кливеланда — 5.00, Бетлегема — 5.00, Монтреаля — 2.00, Акрона — 5.00, Шенандоа — 3.00, Детройта — 2.00, Ст.-Луиса 4.20, Бостона — 2.00, Юнгстауна — 3.00, Лос Анжелеса — (через Шваба) — 5.00, Нью Гейвена — 8.00, Балтиморы — 4.40, Сан-Франциско — 3.00, Чикаго 7.00. Всего: 59.60.

ИТОГО: 205.90.

РАСХОД:

Типография — 88.00, экспедиция журнала — 11.00, в комитет политических заключенных — 26.00, розыгрышные билеты — 5.00, рассылка билетов — 1.65, оберточная бумага — 2.25, в комитет по изданию дешевой русской литературы — 10.00, в комитет по изданию английской литературы — 2.00. Годовая подписка на газеты для редакции „Д. Т." — 8.50, за переводы статей Страндину — 2.00, на дорожные расходы в лектуре т. Максимову — 5.00, канцелярские, почтовые и проч. расходы Федер. Секрет. — 2.50. ВСЕГО: 163.90.

Дефицит за прошлый номер „Д. Т." — 16.28. Всего расходу: 180.18.

Приход — 205.90. Расход — 180.18. Остаток — 25.72.

Примечание. В отчете, напечатанном в прошлом номере, оказался ряд мелких ошибок, по исправлении которых оказалось, что дефицит не 12.57, а 16.28.

ВНИМАНИЕ!

Вышла из печати новая брошюра Г. Максимова на английском языке:

"BOLSHEVISM PROMISES AND REALITY".

Цена отдельной брошюры — 10 сентов.

Для организаций 35% скидки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТ.

ВНИМАНИЕ!

Получена из Парижа книга
НЕСТОРА МАХНО:
„Русская Революция на Украине"
Цена 50 сентов без пересылки

С заказами обращаться по адресу:

**Svobodin c.o. "Freie Arbeiter Stimme"
45 W. 17th St., New York**

ВНИМАНИЕ

Монтевидео, Кливеланд. Лос-Анжелес! Ваши отчеты пойдут в следующем номере.